

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

ФОНД НАШИХ СЕРДЕЦ

Как используются средства Советского фонда мира!

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

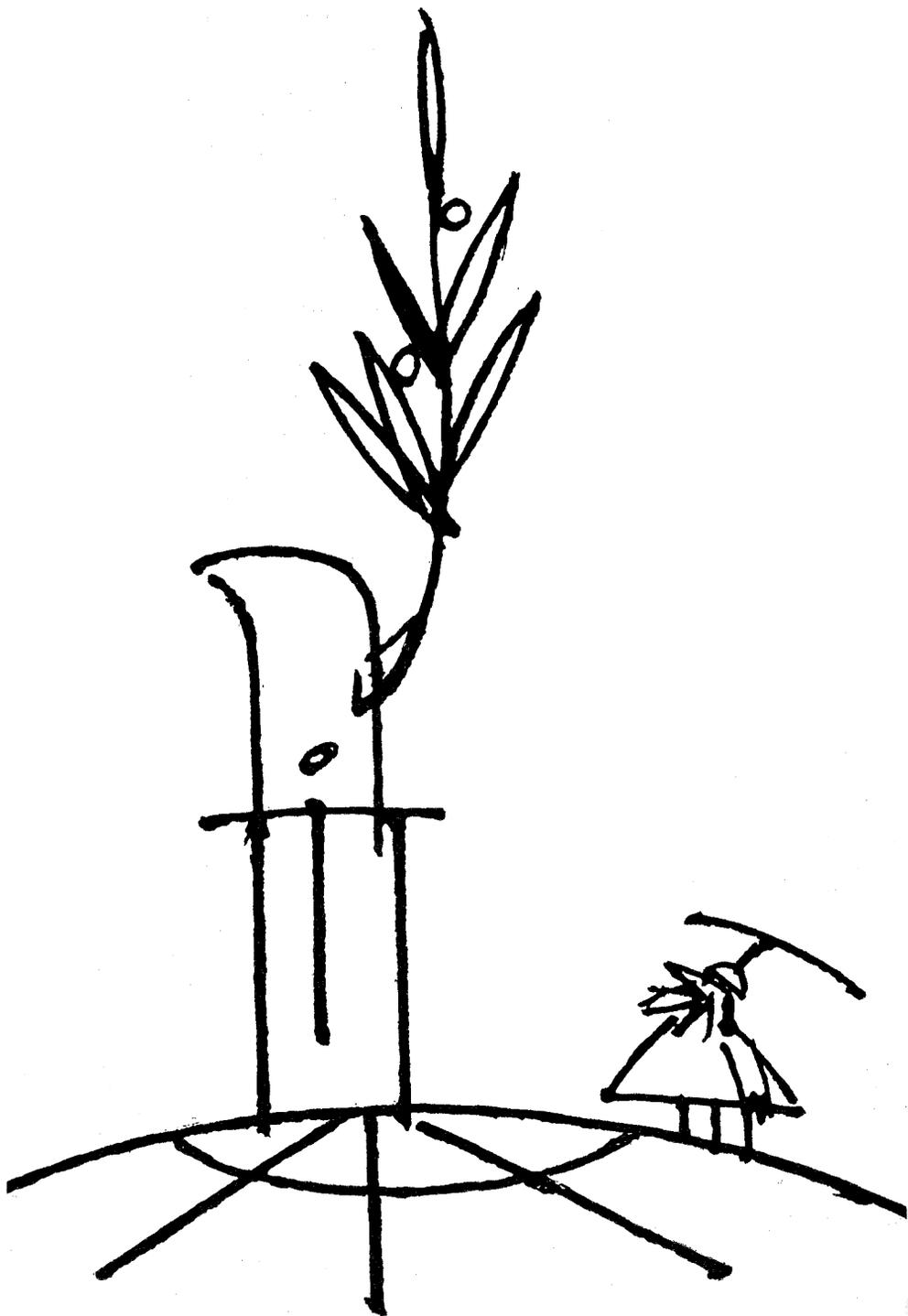
Размышления о зарубежных личных контактах простых людей

ОПАСНАЯ ИГРА — ГЛЯДЕЛКИ

Психологические аспекты гонки вооружений

ISSN 0320 8001

4/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Актуальная тема

П. ГЛАДКОВ. ПСИХОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

10

Новое мышление: теория и практика

**Л. САРАСКИНА, А. НУЙКИН, А. ПАНКИН.
НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ДИАЛОГ-88**

16

Наши интервью

А. КАРПОВ. ФОНД НАШИХ СЕРДЕЦ

28

История и современность

**В. КУЗНЕЦОВ, Ф. ТОТОВ. КИТАЙСКИЕ ИНТЕР-
НАЦИОНАЛИСТЫ В ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

31

Из журналистского блокнота

ВСТРЕЧА В ПАГОДЕ АН КУАНГ

33

Проблемы и суждения

Г. ПАВЛОВСКИЙ. ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО...

35

Наши публикации

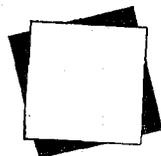
ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

44

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Экология жизни и духа.

*О нравственной связи между человеком и
всем сущим.*

«Уважаемая редакция...»

В редакционной почте последнего времени возросла доля писем из-за границы, размышляющих о перестройке в нашей стране, поддерживающих или критикующих выступления нашего журнала, советующих расширить жанровый спектр и т. д. Редакция благодарит всех авторов писем — как тех, кто уже написал, так и тех, кто еще только собирается.

Дружба — мать мира

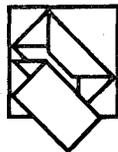
Слова «гласность» и «перестройка» уже вжились в английский язык. Если, стоя в очереди, вы сталкиваетесь с каким-нибудь вопиющим проявлением бюрократии, кто-нибудь наверняка скажет: «Немножечко гласности здесь бы не помешало». С таким же успехом может быть употреблено и слово «перестройка», так как, нужно честно признаться, разницу в значении этих понятий знают немногие, точно так же как мало кто имеет возможность проанализировать происходящие в Советском Союзе перемены и их воздействие на советское общество.

Средства массовой информации, в основном стоящие на антисоветских позициях, не спешат помочь людям разобраться в том, что же означают понятия «перестройка» и «гласность». Они морочат читателям голову разговорами о том, что Советский Союз возвращается к системе частного предпринимательства со всеми ее преимуществами, чтобы «компенсировать полный провал социализма». Многие сравнивают происходящие в СССР перемены с новой экономической политикой, проводившейся в первые годы Советской власти. Многие предостоят еще сделать, чтобы народы Советского Союза и всего мира поняли, что все эти перемены призваны в первую очередь обеспе-

чить максимальное использование всех преимуществ социализма, а также углубить борьбу за мирное сосуществование различных систем и идеологий, без которого мы все обречены на гибель.

Тот факт, что люди в Великобритании сейчас заговорили о «гласности» и «перестройке», говорит о том, что рушатся стены, разделявшие народы. Советским людям трудно даже представить себе, насколько мало знают об их стране в Великобритании, США и других западных странах. Само развитие событий и требования миллионов людей, которые понимают, что ядерная война будет концом цивилизации, приводит к ограничению гонки вооружений. Но нет никаких оснований полагать, что изменилось мышление тех, кто говорил об «империи зла» или «сосредоточении зла», или, подобно экс-премьер-министру от лейбористской партии Дж. Каллагану, заявлял, что в «соцстранах нет безработицы, но нет и свободы». Именно такое мышление сохраняет гонку вооружений. Именно благодаря такому мышлению ядерное оружие сохраняется как средство устранения «советской угрозы».

В те годы, когда мы были союзниками в борьбе с фашистскими агрессорами, когда британцы с восторгом

следили за борьбой Красной Армии и поддерживавших ее героев и героинь Сопротивления, которая велась с успехом, несмотря на прогнозы военных экспертов, что немцы пройдут сквозь Красную Армию, «как нож сквозь масло», на одном из митингов мне задали вопрос: «Почему нам не говорили правды о Советском Союзе?» Я ответил: «Мы старались говорить правду, но вы предпочли поверить пропаганде».

В предвоенные годы несколько газет с симпатией относились к Советскому Союзу. Сегодня ситуация сложнее, и среди средств массовой информации ведущая роль принадлежит телевидению. На антисоветской пропаганде воспитано уже целое поколение. Недавно группа учителей проанализировала школьные учебники истории для младшего, среднего и старшего школьного возраста по разделу «Послевоенная история». Результаты исследования показали, что школьные учебники в своем антисоветизме превзошли официальных историков.

И нам приходится объяснять суть социализма. Говорить, что гонка вооружений не дает там выгоды никому, что она отвлекает средства от социальных нужд, что предположения о разоружении на равной основе отвлекают интересам всех народов.

Мы также вынуждены объяснять, что нельзя остановить борьбу народов за свободу, что учение Маркса не было изобретено в Советском Союзе, что попытки президента Рейгана угладеть «руку Москвы» везде, где народы сбрасывают диктаторский режим, не оставляют альтернатив дальнейшей гонке вооружений. Президент Рейган, без сомнения, был бы на стороне Георга III против Дж. Вашингтона, который, кстати, совершил-таки революцию без помощи Кремля.

Основные принципы социализма остались неизменными, гласность и перестройка только восстанавливают динамику социалистического развития. Я бы сказал так: люди везде лю-

ди, слабые и сильные, подкупные и неподкупные, добрые и злые. Но разница между социализмом и капитализмом заключается в том, что социализм обычно помогает развиться лучшим чертам человеческой природы, а капитализм — худшим.

Откровенное признание ошибок на всех уровнях вдохнет новую жизнь в советское общество и вернет многим утерянные надежды. Ленин писал о «творческом гении пробужденных масс».

Отражением процесса перестройки служит большая готовность советского руководства к дискуссии и обмену мнениями с другими государствами, независимо от существующих барьеров «холодной войны», а это важный вклад в дело мира. Мы должны на практике поддержать идею хельсинкского Заключительного акта, который показывает пути достижения мирного сосуществования между государствами с разными социально-экономическими системами и подлинного разоружения. Это будет способствовать утверждению нового мышления в военной области, без которого невозможны перестройка и гласность. Люди должны понять, что разоружению и мирному сосуществованию не может быть альтернативы, если человечество хочет сохранить себя как вид и не хочет утратить свое бессмертие.

Мы надеемся, что в будущем связи между нашими народами укрепятся — не только за счет обмена туристами или официальными делегациями, но и благодаря прямым контактам между семьями. Это лучшее средство против непонимания и ненависти. Дружба — Мать Мира.

По мере развития этих процессов все труднее будет изображать Советский Союз в виде врага или с помощью средств массовой информации убеждать доверчивую публику в том, что это — «империя зла». И в этом главное. Если нельзя сделать Советский Союз всеобщим «пуга-

лом», отпадает необходимость в армиях, содержание которых непосильным бременем ложится на нашу экономику.

Как только станет ясно, что «советская угроза» — это миф, переговоры по разоружению можно будет вести не с точки зрения числа подлежащих сокращению единиц оружия, но с позиции разума: все заинтересованные стороны — капита-

листические, социалистические, нейтральные и неприсоединившиеся страны — должны понять, что борьба с угрозой самоубийства,— наш общий долг.

Миллионы людей надеются, что в новых условиях мы, наконец, добьемся успеха в деле обеспечения мира.

Гордон ШАФФЕР,
г. Лондон, Великобритания.

Если мы — ленинградцы...

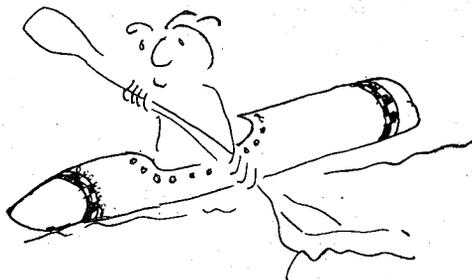
Сейчас, когда много и по-деловому говорят и пишут о нашей истории, о достоинстве граждан, о воспитании памяти, об общественной и культурной экологии (не говоря уже об экологии природы), хотелось бы обратиться к тому, что является са-

мым святым в нашем городе, но к чему мы редко обращаемся, а если и обращаемся, то не в полной мере.

Это блокада Ленинграда, ее жертвы, величие и достоинство тех, кто вынес ее, теряя здоровье и годы, это

THE DEAD NUKE BOOK

(or, What To Do When The Talks Are Over)

BY

TONY THOMSON

«Книга о мертвой ядерной ракете (или что из нее сделать, когда завершатся переговоры)». Так озаглавлен сборник рисунков, осваивающих в юмористическом духе проблему конверсии зловещего оружия в вещи нужные и безобидные. Автор, Тони Томсон,— член вполне серьезной антивоенной организации Оксфордской исследовательской группы в Вудстоке, Англия. На этой и последующих страницах — несколько его предложений.

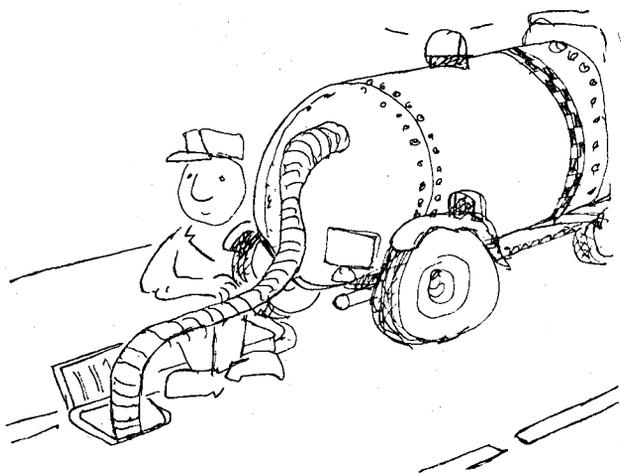
память о них. О блокаде и блокадниках сегодня важно сказать уже с новых позиций — что сделали мы, живущие сегодня, для тех, кто отдал за нас жизнь, — мертвых и живых, а их не один миллион, и память о них стучится в наши сердца. Думается, что только мемориалов и возложенных венков раз в году все-таки недостаточно. Наверное, большее могли бы сделать и те, кто руководит городом, и те, кто в нем живет. Например, 8 сентября, день начала блокады, можно было бы отмечать минутой молчания по всему городу, звоном колоколов; мог бы быть этот день и днем благодарной благотворительной деятельности граждан города.

Но главное все же — как относятся горожане к тем, кто пережил блокаду и еще находится среди нас. Ее перенесли два миллиона чело-

век — мужчин, женщин, детей. Где они, как живут, чем заняты, сколько их осталось и что для них сделали мы, горожане, — от руководителей города до первоклашек.

Да, они воевали 900 дней и ночей, но можем ли мы подтвердить, что документально каждый из них считается участником Великой Отечественной войны! Да, они до предела были измотаны голодом, холодом, болезнями, но являются ли они (документально) инвалидами Отечественной войны? И если нет, то куда же мы тогда смотрели?

Сколько их в каждом доме, на предприятии, в районе, городе? Какая организация или союз, созданный ими, ведет с их участием работу в нашем городе? А они должны иметь такой союз или вече, например «Общество блокадников», и право входить в Советский комитет за-

щиты мира или Комитет ветеранов войны, действуя как самостоятельная общественная организация. Наверное, ленинградцы и сами подскажут, какие еще шаги и акции необходимо сделать уже самой общественности, просто каждому человеку. К примеру, можно проводить благотворительные вечера (традицией города еще с Петра Первого были балы), а деньги от них отчислять в фонд помощи блокадникам — создав такой фонд. Но основным здесь должно быть одно: искреннее участие всех ленинградцев.

Далее, хотелось бы услышать ответы на следующие вопросы: есть ли представители блокадников в партийных, советских, профсоюзных органах и как эти органы заботятся о нуждах этих людей; какие больницы и санатории лечили и лечат блокадников; какие приюты для блокадников преклонного возраста имеются в

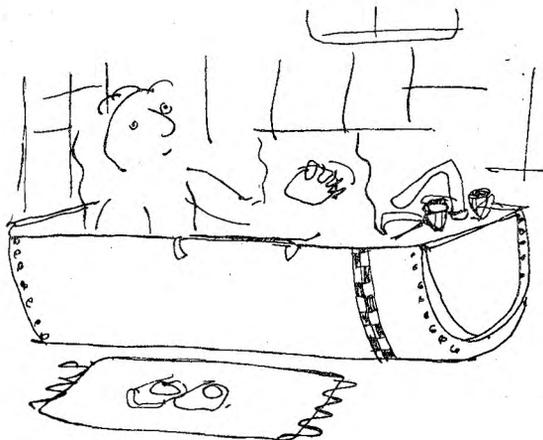
городе и где они расположены? Как представлены блокадники в международных антивоенных общественных организациях и движениях? Ведь эти люди вынесли такое, что их слово, особенно в защиту мира, против войны равносильно грому небесному и дождю благодатному. Да свяжутся их имена!

У этих людей сотни тысяч детей и внуков. Как они ощущают духовную и реальную память о своих родителях и дедах? Ведь от этого ощущения зависит мощь их вклада в дела государства и общества.

Вот почему встает вопрос: что мы сделали и что мы еще можем сделать, пока еще не поздно? Век блокадников истекает.

Мы должны успеть, не упустить, очнуться от бесчувственного беспамьятства. Должны — если считаем себя людьми, если и впредь хотим называться ленинградцами.

Олег БАСИЛАШВИЛИ, актер; Павел КАДОЧНИКОВ, актер; М. АНИКУШИН, художник; Александр НЕСТЕРОВ, редактор студии «Ленфильм»; В. СОКОЛОВ, кинорежиссер.

По другому было можно...

Разработка темы, поднятой в № 8/87 статьей М. Гефтера «Надо ли нас бояться?» (о культе Сталина), необходима не только нам, но и всему мировому сообществу.

Открытость должна стереть белые пятна в нашей истории, экономике. Администрирование, доведенное до чиновничьего фетишизма, обязательно приводит к вынужденной экономике, вынужденному мышлению и жизни. Но много еще говорится слов в оправдание вынужденной экономики — мол, время было такое, и по-другому было нельзя.

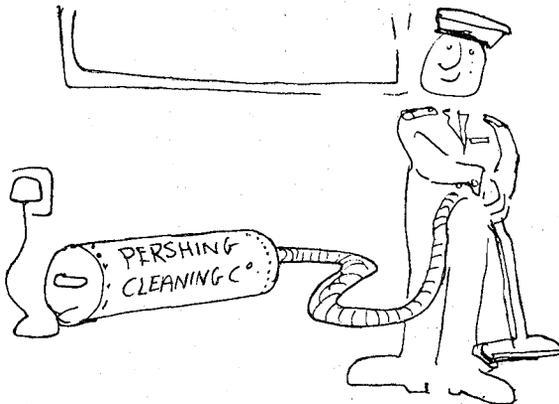
Необходимо развеять этот миф, оправдывающий культ и деспотизм. По-другому было **МОЖНО**.

Со всей тщательностью надо проанализировать и показать нашему народу, мировому сообществу, к чему приводит администрирование, централизация власти у элитной группы. Рассматривать это необходимо как в целом (в политике, экономике, науке), так и более узко: по отрас-

лям промышленности и предприятиям, до элементарной ячейки общества — семьи и отдельной личности. Все претерпевает давление волюнтаризма, и происходит искажение чиновничьей надстройкой производственных отношений и личности от маленького человека до большого чиновника.

Что нам дал волюнтаризм 30-х годов ради развития тяжелой промышленности? Введение карточных систем на продукты и другие товары с 1928 года во всех крупных городах, резко органичившее личное потребление, приведшее к аскетическому образу жизни.

Промышленность мы развивали за счет громадных закупок оборудования за рубежом, а стране все это могли поставить развитые тресты развитого нэпа и деятельность масс (современный опыт Японии, Китая показал, что выходить на передовые позиции в мировой экономике можно буквально за одно десятилетие).

Но вместо этого воцарилась атмосфера страха.

Вот лысенковщина, расцветшая в биологической науке и сельском хозяйстве с 30-х годов. Псевдонаука, работавшая под каприз чиновника, взяла верх, а результат — беспрецедентная бесхозяйственность.

Может быть, в технике дела обстояли лучше? Возьмем авиацию, особую отрасль в заботах Сталина. Русская школа авиатеоретиков и конструкторов была наиболее сильной в мире. Авиаконструкторов хватало не только для России, но и для других стран (на Сикорском многое держалось в авиастроении США). Как же волонтаризм чиновников «толкал» нашу авиацию назад? Так же, как и всю экономику, — административными приказами.

В 1930 году целый ряд до этого самостоятельных и очень разных по традициям конструкторских коллективов — группы Д. П. Григоровича, И. Н. Поликарпова, С. В. Ильюшина, А. Н. Рафаэлянца, Р. Л. Бартини и другие — вошли в состав огромного учреждения — Центрального конструкторского бюро. Опытные машины в ЦКБ предполагалось строить общими, дружными усилиями, «набрасываясь всем миром» на каждую по очереди, и таким образом опере-

жать плановые правительственные сроки. Такие «тонкости», как интуиция, несхожие представления об эстетике технических решений, как, наконец, совместимость или несовместимость характеров людей, да еще талантливых и, что поделаешь, знающих себе цену, во внимание не принимались.

А в 1939 году наши конструкторы съездили в Германию и сами увидели совершенно новые самолеты. Стало ясно, что начинать войну с И-15, И-16 — значит отдать воздушное пространство врагу. Пришлось срочно менять многие технические задания на разработку самолетов. А если бы не ездили в Германию?

Выходит, по-другому было МОЖНО. Но что теперь повторять — наши отцы и деды прожили это время, упустив исторический шанс для развития. Это подтвердили Халхин-Гол (1937 г.) до назначения главнокомандующим Жукова Г. К., война с Финляндией (1939 г.) и очень тяжелые поражения 1941—1942 гг., унесшие жизни нескольких миллионов солдат.

Наш моральный долг — прорваться сквозь поток догм и фанатизма, не упустить нового исторического шанса.

М. ГАНЗИН,
г. Саратов.

О спорном и очевидном — в интересах перестройки

Статья Людмилы Сараскиной «Чем помочь вашей перестройке?», появившаяся в № 10/87 вашего журнала, привлекла мое внимание в связи с затронутой темой, стремлением к более открытому и более привлекательному для внешнего мира обществу. Она вскрывает проблемы, которые давно уже проявляются в капиталистических странах и которые западные средства информации широко используют, деформируя и раздувая их в интересах правящих

классов наших стран.

Это статья, которую я в общем плане считаю очень хорошей, требует, по-моему скромному разумению, некоторых оговорок. Так например, голландские школы представлены идилическим образом. Не знаю, толкует автор свой опыт расширительно, но знаю, что во Франции, вплоть до университетов, школы переживают период глубокой нищеты. Пафос всей статьи, похоже, в том, чтобы свалить вину за все на

Советский Союз. Получается, например, будто капиталистическое окружение является плодом воображения советских людей. Или будто некоторые вопросы голландских друзей не отражали их незнания советской реальности — как результат тщательных стараний средств массовой информации.

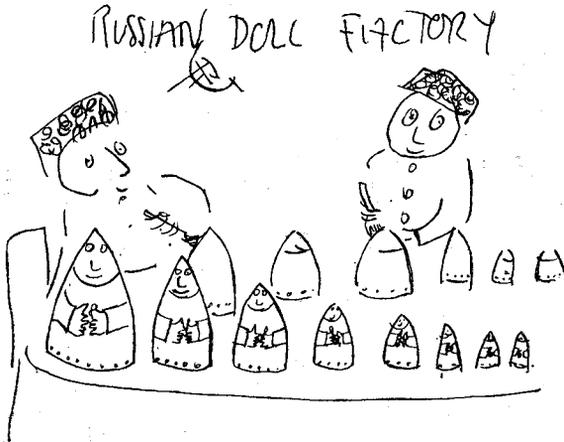
Споткнулся я и на таком утверждении: «Почему в Амстердам... письма идут месяцами?» Будучи одним из руководителей Движения эсперантистов за всеобщий мир (с центром в Софии) с момента его создания в 1953 году, я постоянно переписываюсь с советскими людьми. В избытке резвости почту и вправду не заподозришь, но уж затяжки в месяц или месяцы — скорее исключение, подтверждающее правило.

Это подводит меня к размышлениям Л. Сараскиной относительно языковой изоляции и необходимости человеческих контактов. Она тысячу раз права! Однако у меня нет уверенности в том, что все голландцы свободно владеют английским или немецким. Во всяком случае, это не «самый простой», как считает автор,

способ «приобщения к миру людей», так как этот мир не состоит только из англичан и немцев. В сфере общения следует выбрать язык, общий для всех — будь то голландский, русский, китайский или эфиопский. Конечно, в первую очередь на ум приходит английский, что сразу дает англо-саксонским странам, и, прежде всего американскому империализму, огромные преимущества во всех областях. Нормально ли это? Нет никакого другого решения, кроме вспомогательного международного языка, инструмента общения и установления мира, доступного всем народам, не нарушающего преподавания и использования национальных языков, но намного более простого в изучении и не имеющего гегемонистского характера.

В СССР, на стадии перестройки, должны рождаться новые идеи. Советские эсперантисты уже достаточно многочисленны, чтобы можно было заложить основы для введения официального преподавания эсперанто.

В. ЖИЛЬБЕР,
президент Трудовой федерации
эсперантистов.

Психология

Петр ГЛАДКОВ

ВЫЖИВАНИЯ

Есть такая детская игра — гляделки. Двое садятся напротив и начинают смотреть друг другу в глаза. Задача — не моргнуть, «пересмотреть» соперника. Чемпионы так могут сидеть очень долго. У них болят глаза, затекает тело, но они не сдаются. Порою кажется, что они впали в сомнамбулическое состояние, загнипнотизировав друг друга. Бывает, что такие состязания заканчиваются обмороком одного из участников, который падает со стула, но — с открытыми глазами.

Не так ли и две великие державы долгое время были готовы испытывать любые лишения вплоть до обморочного коллапса, лишь бы победить в этой парадоксальной игре? Причины этой гипнотической завороченности друг другом неоднократно исследованы и описаны. Однако при анализе реальных противоречий, вызванных фундаментальными различиями в идеологии, истории, геостратегическом положении, политической культуре двух стран, они слишком часто абсолютизируются, намерения извращаются, конфликты представляются неразрешимыми в рамках специфического психологического контекста международных отношений в ядерную эпоху. В густом психологическом тумане нарушаются реальные пропорции, возникают иррациональные страхи, в основу внешнеполитического поведения кладется двойной стандарт.

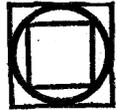
Гладков Петр Владимирович, род. в 1957 году; кандидат исторических наук, научный сотрудник Института США и Канады АН СССР.

В свое время Дж. Кеннан писал, что в основе гонки ядерных вооружений «лежат внутренняя инерция, самопроизвольное развитие — результат побудительных мотивов, возникающих и овладевающих великими державами, когда они вступают в соревнование по наращиванию любых вооружений... Это страх, негодование, национальная и личная гордость. Это неверное понимание намерений противника. Это тенденция наций идеализировать себя и дегуманизировать других. Это узкий, ограниченный взгляд профессиональных военных стратегов».

То, что не психолог, а опытный специалист-международник выделяет в качестве движущей силы гонки вооружений психологические моменты, подчеркивает важность этого аспекта современной военно-политической ситуации.

В условиях ядерного тупика психологическое измерение делает ситуацию еще более тупиковой, блокируя любую возможность выхода из нее. Нам все больше мешают наши собственные представления, воспитанные в человечестве на протяжении всей его истории.

Традиционно преобладание в вооружениях давало чувство уверенности, безопасности, что позволяло без колебаний проводить внешнюю политику вплоть до продолжения ее на полях сражений. Первобытный человек, взявший в руку дубину, получал несомненное психологическое преимущество перед безоружным соплеменником, что незамедлительно воплоща-

лось в конкретных достижениях и увеличивало его личную безопасность. То же происходило и с изобретением пороха, огнестрельного оружия и так далее вплоть до 1945 года.

С появлением атомного оружия «больше» или «лучше» перестало означать «безопаснее». Можно иметь в пять или десять раз больше ядерных бомб или ракет, но пока у противника есть хотя бы разовая возможность уничтожить тебя, многократное преимущество не играет никакой роли для тебя и для твоей национальной безопасности.

В этой связи на передний план выдвигается пересмотр традиционной психологической интерпретации понятия «национальная безопасность». За последние 40 лет кардинально изменилось соотношение элементов в триаде «оружие — психологическая безопасность — национальная безопасность», которые прежде работали по принципу подкрепления: больше оружия — больше психологическая безопасность — больше национальная безопасность. Сегодня речь идет о возникновении в этой системе важного противоречия — между безопасностью психологической и безопасностью национальной. Дело в том, что и в ядерную эпоху продолжает сохраняться чувство психологической безопасности при наличии большого количества вооружений, тогда как реальное увеличение психологической безопасности сегодня объективно ведет к уменьшению национальной безопасности. Это связано прежде всего с тем, что подобное психологическое ощущение чревато менее ответственным поведением на мировой арене, чем того требует ядерное противостояние. А в результате мир скатывается на более низкий уровень стабильности.

Психологическое измерение этого противостояния тесно связано и с его этическим измерением. Ведь с психологической точки зрения его причина трагически проста: мы считаем, что враг бесчестен и безнравствен, а значит способен на все, в том числе и на немотивированный ядерный удар без

предупреждения. А раз бесчестие и безнравственность противника угрожают нашей безопасности, то мы вынуждены принимать ответные меры, т. е. наращивать и держать в боеготовности наше ядерное оружие. Так борьба с «коварным» противником вынужденно ведется теми же методами, которые нельзя назвать высокоэтичными. И даже если один из партнеров в одностороннем порядке вводит этическое измерение в свою внешнюю политику, то другой прежде всего видит в этом подвох, попытку обмануть и лишь усиливает бдительность.

В итоге формируется порочный круг эскалации неэтичности и двойного стандарта в международных отношениях, в результате чего враги становятся такими, какими они видят друг друга.

Таким образом, мы подходим к выводу, что процесс разоружения можно начать и с этического конца: высокоэтичная и честная политика растопит лед недоверия и уменьшит страх другой стороны, что ответится добрым результатом. Честность, открытость, нравственность становятся в ядерный век императивом внешней политики, ибо без них невозможно разорвать порочный круг взаимного недоверия, воспроизводящего военное противостояние.

В том и состоит парадокс нашего времени: чтобы почувствовать в безопасности себя, надо обеспечить безопасность противника. Ибо чем спокойнее будет себя чувствовать противник, тем меньше соблазна будет у него радикально обеспечить свою безопасность путем превентивного удара.

Однако многовековая история гонки вооружений, видимо, наложила свой отпечаток на человеческое мышление, генетически закодировав соотношение «больше — безопаснее». И сорок лет — срок слишком краткий для изменения этого «генетического кода». Необходимо качественный скачок, своего рода мутация сознания для приведения его в соответствие с новой реальностью. Думается, что именно новое по-

литическое мышление, которое, разумеется, не было изобретением Советского Союза, а созревало одновременно во многих странах мира, может послужить своеобразным катализатором подобной мутации. Другое дело, что Советский Союз первым положил его в основу государственной политики, понял, что необходимо вывести сознание человечества на новый уровень, превратить его из провинциально-ограниченного в общечеловеческое.

Вот почему Договор по РСД—РМД важен не только сам по себе, как первое соглашение в истории, сокращающее ядерное оружие, но и как знак того, что человечество, похоже, начинает выходить на новый уровень своего сознания.

Важнейшим моментом Договора представляется то, что одна из сторон — в данном случае Советский Союз — пошла на гораздо более глубокие сокращения, чем ее партнер, — в 2,5 раза. Это тоже знак перемен. Одна из великих держав соглашается отойти от жесткой симметрии сокращений, понимая, что арифметическое соотношение «больше—меньше» в сегодняшних условиях не работает. Сократив больше своих ракет, советская сторона реально гарантировала резкое повышение уровня общеевропейской безопасности, а тем самым и безопасности собственной.

Это первый шаг. За ним должны последовать другие. Но это будет нелегко, ибо слишком велики завалы на пути, в том числе и психологические, возведенные десятилетиями страха, недоверия и конфронтации.

ПАТОЛОГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Сегодняшняя психологическая ситуация парадоксально напоминает ситуацию в рабовладельческой Северной Америке. Идея отмены рабства неизбежно наталкивалась на ряд контраргументов, очень схожих с выдвигаемыми сегодня относительно невозможности перехода к новым отношениям между государствами, принадлежащими к противостоящим лагерям; это жизненно необходимо для экономики;

это заложено в человеческой природе; это плохо, но что могу сделать лично я?; они не такие, как мы, поэтому цивилизованные мерки к ним неприменимы. Как мы знаем, аболиционистское сознание восторжествовало, и сегодня о рабстве, как о социальном институте, давно забыто. И это вселяет оптимизм в сердца сторонников отмены ядерного оружия, особенно на фоне ведущихся переговоров о 50-процентном сокращении стратегических вооружений.

Однако существуют по меньшей мере два условия повсеместного распространения сознания этих новых аболиционистов. Во-первых, необходимо осознание на массовом психологическом уровне качественно нового характера ядерной войны. Эта война непредсказуема и непрогнозируема: она может закончиться за несколько часов всеобщим уничтожением. Она самапроизвольна: может вспыхнуть в любой момент в результате технической ошибки, неполадки в системе, без специального намерения. Она неконтролируема: даже начавшись, как ограниченный конфликт, она неизбежно эскалирует до глобального ядерного обмена ударами. И, наконец, ядерная война тотально антидемократична, если можно так выразиться: она может быть развязана десятком и проведена сотней человек, которые оставят остальному населению планеты роль безгласных и беспомощных жертв.

Во-вторых, очень важно преодолеть психологические механизмы самозащиты на индивидуальном уровне. Вот описание лишь некоторых основных типов психологической реакции на ситуацию ядерного противостояния:

— Я живу своей жизнью, меня волнует работа, семья, дети, состояние экономики. Что же до войны, то раз она не началась за сорок лет, то ничего не случится и в будущем;

— Ситуация очень опасна, но что могу сделать лично я? Мы не можем доверять русским (американцам). Они хотят захватить весь мир и неоднократно нас обманывали. Я не доверяю и своему руководству, которое только обещает, но ничего не делает. Пусть

все идет как идет, а если война начнется, я надеюсь, что умру сразу, без мучений;

— Наше ядерное оружие оберегает нас от врага. Мы даже можем победить, если применим его первыми. Единственный путь к безопасности и выживанию — наращивание нашей военной мощи любой ценой;

— Лидеры понимают всю опасность ядерной войны, поэтому никогда не рискнут ее начать. Они угрожают друг другу для получения политических преимуществ. Новые виды вооружений нужны для того, чтобы заставить противника сесть за стол переговоров. Специалисты разбираются в этом лучше меня, поэтому я умываю руки;

— Мы живем в большом обществе и излечить его традиционными политическими методами нельзя. Лучший способ изменить окружающий мир — работать над совершенствованием своего внутреннего мира, и пусть меня обвиняют в нарциссизме, я буду исполнять долг только перед самим собой.

Несмотря на их видимое разнообразие, все эти психологические реакции имеют общую основу. Они связаны с важной общецивилизационной проблемой, стоящей перед любым обществом, достигшим определенной степени развития, независимо от его политико-идеологических особенностей. Это проблема патологии отчуждения. Современное отчуждение — результат не только технологического развития, когда индивид начинает ощущать себя технической функцией общества. Это и следствие традиционной христианской концепции взаимоотношений человека с природой, в рамках которой человек присваивает себе неограниченные права на природу и ее использование в утилитаристских целях. Отчуждение от общества и природы дополняется отчуждением от человечности, от самых обычных человеческих чувств. Современный человек боится сильных негативных эмоций — страха, гнева, отчаяния. Он создает для себя искусственный мир, куда стремится не допустить ничего, что угрожало бы его психологическому комфорту.

ЦЕЛОСТНЫЙ МИР

Одним из путей преодоления этой патологии отчуждения может стать формирование глобального, общечеловеческого сознания.

Традиционный подход к глобальным проблемам (ядерной, экологической, продовольственной, народонаселения, ресурсов, смертельных болезней и т. д.) предполагает рассмотрение каждой из них в отдельности, в отрыве от всего комплекса, поиск путей решения каждой конкретной проблемы без учета ее взаимосвязей с другими элементами системы. Типичный пример: наш подход к основной глобальной проблеме — ядерной. Подход провинциально-ограниченный, упрощенный, узкий, сведенный к технократическим оценкам, числовым расчетам, лишенный человеческих эмоций.

Иной взгляд на вещи предполагает общечеловеческое сознание, с его основным структурообразующим элементом — целостностью (то, что в английском языке обозначается словом холизм — holism). С концепцией единства и взаимосвязанного мира, широко распространившейся в последнее время, тесно связано представление о том, что человечество не есть центр жизни на планете, а представляет собой лишь составную часть единого сложного универсума, включающего в себя как органическую, так и неорганическую природу. Любая часть этого мира — самоценная частица единого организма, существующая лишь во взаимосвязи со всеми другими его частями. Проецируя это представление на систему международных отношений, мы поймем всю абсурдность ситуации, когда пытаются сохранить часть (национальное государство в данном случае), рискуя уничтожением целого. Сегодня ясно, что единственный способ сохранить любую часть системы — это забота о сохранении всех ее частей, самой системы в целом.

Целостность предполагает и другие важные черты общечеловеческого сознания. Глобалистскую, согласно которой человек рассматривается как органическая часть единого многоуров-

невого мирового организма — человечества, а национальные государства — как органическая часть единого сообщества наций. Гуманистическую — предполагающую, что в основу отношений между субъектами международных отношений должны быть положены общечеловеческие ценности, которые устраняют почву для превратного толкования понятия «национальные интересы», вытесняют силу как основной инструмент обеспечения национальной безопасности. Антипотребительскую, исходящую из того, что переориентация граждан и государств на отказ от чрезмерного потребления, от «материального колоссализма» (по выражению американского философа и социолога русского происхождения Питирима Сорокина) устранил важный источник международных конфликтов и одновременно будет способствовать разрешению сырьевой, энергетической, продовольственной проблемы.

Последнее время часто говорят, что мы нуждаемся в какой-то угрозе извне всему человечеству, типа нашествия инопланетян, для того, чтобы осознать наше единство и сплотиться в борьбе против этой угрозы. Однако нашествие пострашнее любых инопланетян давно произошло, и люди оказались к нему не готовыми. Идее общечеловеческого единства не позволяется реализоваться психология войны, культивируемая тысячелетиями. Посмотрите на учебники истории любого государства. Если судить по ним, то история человечества — это история войн. Человечество давно заражено вирусом милитаризма, по своим характеристикам очень напоминающим вирус СПИДа. В отличие, однако, от СПИДа медицинского уже известны способы, как его лечить. И одним из методов лечения может стать избавление от психологического стереотипа войны как неотъемлемой части человеческого существования и истории цивилизации. В его рамках война предстает как законный вид человеческой деятельности, дающей чуть ли не половине населения Земли возможности для самореализации.

Парадокс же ситуации в том, что на протяжении практически всей своей истории гомо сапиенс обходился без войн. Историки убедительно доказывают, что первые войны человек стал вести 13 000 лет назад, то есть войны занимают лишь 1% человеческого существования. До этого действовал самой природой заложенный в слабого человека, жизнь которого находилась под постоянной угрозой, инстинктивный запрет на уничтожение себе подобных. С развитием сознания, с превращением человека в подлинного царя природы, существованию которого ничто более не угрожало, гибкий человеческий мозг выработал особый психологический механизм дегуманизации, отказа другому человеку, противнику, в принадлежности к виду, что дало индульгенцию на внутривидовые убийства, принявшие форму различных войн. Этот своеобразный психологический фильтр, отделяющий одного человека от другого, существует и поныне. Но ситуация вновь изменилась. Сегодня человек так же, как и на рассвете своего существования, стоит перед угрозой уничтожения. Только сейчас эта угроза не объективная, как миллионы лет назад, а рукотворная, созданная самим человеком. И в этих условиях эволюция подсказывает выход человечеству; осознание себя вновь единым видом, запрет на уничтожение себе подобных.

Одной из форм материализации этого единства становится борьба за мир. Мир, понятый не просто как отсутствие войны, а как нечто более глубинное, как устранение любых возможностей уничтожения человечества. Борьба за мир поэтому не может сводиться лишь к борьбе против войны. Мир сегодня включает в себя экологическую безопасность, экономическую и социальную справедливость, равенство культур, признание за каждым человеком права на свободное развитие. Именно эти общецивилизационные ценности должны лежать сегодня в основе понятия «мир». Руководствоваться ими в отношениях между государствами означает воспринимать другие страны

не через призму традиционно понятых национальных интересов, но как равноправных членов мирового сообщества, одни из которых нуждаются в помощи, а другие могут и должны стать партнерами по сотрудничеству и оказанию такой помощи.

СМЕНА ПАРАДИГМ

Основная психологическая задача переживаемой эпохи: убедить людей в том, что, хотя бы они того или нет, Земля становится единой общностью, функциональным целым.

Единственный путь к этому — в создании глобального гражданского движения за всеобщий и справедливый мир, за ликвидацию ядерной угрозы. Сегодня мы уже видим многие признаки складывания такого движения. Одним из них представляется растущая степень демистификации процесса принятия политических решений. Граждане все больше осознают, что там, где речь идет о будущем человечества, их представления не менее важны, чем представления и оценки военных и политических руководителей и экспертов. Они даже более реальны, поскольку граждане свободны от давления комплекса противоречивых факторов, которое постоянно оказывается на официальных лиц.

Проблема экспертов не в том, что у них отсутствует профессионализм или чувство ответственности. Их проблема в узости взгляда. Именно то, что делает их высококлассными специалистами в своей узкой области, оказывается недостаточным и даже опасным, когда они начинают заниматься более широкими проблемами политики. Человек, профессионально занимающийся какой-то проблемой в рамках определенной парадигмы, взаимосвязанной и непротиворечивой картины мира, психологически отождествляет себя с ней и неспособен взглянуть с иной точки зрения, перейти в другое измерение. История, однако, свиде-

тельствует о том, что если на нерешаемую проблему, ведущую или уже приводящую к тупику, взглянуть с иной перспективы, она не только оказывается решаемой, но и выясняется, что возможности для решения все время были налицо. Мешало лишь психологическое сопротивление отрешиться от привычного угла зрения.

Именно в этом — в изменении угла зрения, в расширении выбора возможностей, в создании новой психологической атмосферы, делающей возможным альтернативный спектр вариантов развития, облегчающей смену парадигм, — заключается, на наш взгляд, основная роль гражданских движений на современном этапе, движений, все больше сливающихся в единое движение за реализацию общечеловеческих ценностей.

В их деятельности важны два уровня. Первый — это поддержка реалистически мыслящих политиков, осознающих свою ответственность перед человечеством и вносящих свой вклад в предотвращение войны. Второй — это ведение максимально широкой и свободной дискуссии о насущных проблемах, образующей и сближающей людей, устраняющей ложные страхи и стереотипы, препятствующей их использованию в недобрососедских своекорыстных целях.

Сегодня для людей, занятых поисками объединяющих ценностей, которые могли бы послужить фундаментом нового общечеловеческого сознания, складывающегося в ходе борьбы за безъядерный и справедливый мир, фактически за выживание человечества, девизом могли бы стать не так часто, к сожалению, упоминающиеся слова из манифеста Рассела—Эйнштейна: «Помни, что ты принадлежишь к роду человеческому, и забудь об остальном».

Путь к такому миру будет нелегким и долгим, но, как вслед за древними китайцами говорил президент Кеннеди, «дорога в тысячу ли начинается с первого шага». И этот шаг сделан.

Народная дипломатия:

*Заметки, навеянные советско-американской
«Народной встречей на высшем уровне»*

Это было значимое событие в истории народной дипломатии, наши американские коллеги назвали его «Народная встреча в верхах». Дата: 1—5 февраля 1988 года. Участники: около ста советских делегатов Советского комитета защиты мира во главе с его председателем Генрихом Боровиком и свыше пятисот американских участников — представителей как различных миролюбивых и гуманитарных организаций США, так и просто граждан, приехавших в Вашингтон, чтобы посмотреть на нас, русских, советских, обменяться и рукопожатиями, и идеями. Ведь главным лозунгом было, как и до этого (в марте прошлого года в Москве): «Новое мышление в ядерный век. Социальные изобретения для третьего тысячелетия».

Гостеприимству наших американских хозяев не было предела. Два очаровательных содиректора встречи — Рама Вернон, руководитель Центра за советско-американский диалог, и Барбара Хаббард, член совета директоров Центра, вместе со своими помощниками и помощ-

Людмила Сараскина:

НЕПОКОЛЕБИМОЕ ТРЕБОВАНИЕ ЧЕСТНОЙ СОВЕСТИ

«Что пройдет — то будет мило», — сказал поэт. Чем больше проходит времени с момента возвращения домой, тем прекрасней представляется наша — в общем, конечно же, уникальная поездка. Не знаю, как другие, бывалые люди, изъездившие Америку вдоль и поперек, но на меня, путешественницу с опытом весьма ограниченным, эта страна произвела впечатление неизгладимое. И хотя здесь не место впадать в преувеличенные восторги или предлагать свой набор «красот и чудес» (равно как и «ужасов»), встреченных на больших и малых дорогах, как не сказать, например, о Нью-Йорке, суперамериканском красав-

це, поражающем воображение своей жизненной силой, многоликостью, непредсказуемостью, как не оценить поистине грандиозную программу этих двадцати дней, как не вспомнить об исключительном гостеприимстве американцев и как не возблагодарить судьбу за подаренный ею чудесный отрезок жизни.

Но все эти эмоции — безусловно личного плана. Мне же хочется подумать о проблемной стороне вопроса, о сути дела — того нового дела, которое мы называем сегодня «народной дипломатией».

«Представьте, как много хорошего мы

Диалог-88

ницами сделали все возможное и невозможное для того, чтобы встреча прошла как можно более эффективно, вплоть до выпуска ежедневной газеты.

На пленарных заседаниях и в рабочих группах были заинтересованно и деловито обсуждены сотни проектов — от полетов на Марс до создания совместного журнала. Встречи состоялись не только в залах конференции, но и за ее пределами — в Пентагоне, Белом доме, конгрессе, редакциях крупных газет и радиостанций. Насыщенной деловыми встречами была поездка в Нью-Йорк основной части делегации и небольших групп, выезжавших по приглашению в различные части страны.

Среди участников поездки были и постоянные авторы журнала. Редакция обратилась к ним с просьбой поделиться своими впечатлениями.

могли бы добиться..., если бы все большее число людей и семей наших стран узнавали друг друга, прислушивались друг к другу и учились друг у друга. Такие обмены привели бы к созданию в наших обществах тысяч объединений, выступающих за сотрудничество и мир», эти слова президента США Рональда Рейгана стали эпиграфом к американской программе встречи граждан на высшем уровне.

Концепция этой встречи сформулирована ее организаторами четко и недвусмысленно: мы, граждане двух крупнейших держав нашей планеты, должны возглавить новые инициативы, необходимые для обеспечения позитивного будущего, и вовлечь в них других. Мы встречаемся не для того, чтобы спорить или выступать с речами, а для того, чтобы общими усилиями создать совместные проекты, «общественные изобретения», основанные на нашем собственном знании и опыте и на нашем личном стрем-

лении довести эти проекты до конца. Именно для этого собираются вместе наиболее творчески мыслящие футуристы и социальные изобретатели из США и СССР.

Итак, принять в своей стране «советских», посмотреть на них с позиций нового политического мышления, без страха и опасения, пустить в свой дом и в свое сердце, вместе петь и молиться, фантазировать и мечтать, подружиться, полюбить друг друга и договориться до дела — таково социальное изобретение советско-американского диалога-88. И отдавая должное размаху, с которым осуществлялась эта в высшей степени достойная, замечательно человеческая задача, я все-таки спрашиваю себя и пытаюсь понять, насколько мы, обе стороны, были готовы к ее решению.

Американцы, участники диалога, встретили нас всепокоряющей эмоциональной установкой: не только пожать друг другу руки, но и раскрыть свои объятия.

Их готовность к моментальной приязни, к немедленной дружбе и неременной любви — готовность изумительная — признаюсь честно, застала меня врасплох: мне для ответных чувств хотелось бы все-таки больше знать своих собеседников, сотрапезников, мимолетных знакомцев. А главное (это может прозвучать абсурдно), мне хотелось, чтобы они не верили мне с полуслова, чтобы они были требовательнее и настойчивее в своем стремлении узнать, понять тех, с кем собираются иметь дело. Слова любви и дружбы, поцелуи и улыбки, щедро расточаемые (и еще ничем не заслуженные, выданные авансом, в кредит), воспринимались скорее как знак светской обходительности, галантности. Я не всегда могла попасть в тон той эйфории, тому экзальтированному настрою, когда разыгрывалось массовое действо с медитацией, я испытывала некоторую неловкость из-за своего более трезвого, более рационального восприятия столь эмоционального зрелища.

С другой стороны, меня не мог не волновать вопрос о компетентности социальных изобретателей, об их ответственности за осуществление проектов — ведь именно о «нашем личном стремлении довести эти проекты до конца» говорилось в официальном обращении к

советским гостям. И в этом, как мне кажется, все преимущества оставались за хозяевами. Американские партнеры по проектам, берясь за дело, имеют прочные гарантии для личной ответственности: желание, энергия, предприимчивость и независимое материальное обеспечение дают необходимый эффект. Показательно, что хотя они имеют дело именно с людьми, личностями, а не с инстанциями, организациями — это я отчетливо поняла, когда обсуждался наш проект совместного советско-американского журнала. Американцы — и это их бесспорная сила — свято верят в могущество человеческой индивидуальности, того самого человеческого фактора, который начертан на знамени нашей перестройки.

Но вот реальность, уже наша, домашняя: год тому назад представители американского фонда Келлогга (национальная программа стипендий) предложили интереснейший проект: оснастить одну из московских школ теле- и видеоаппаратурой и подготовить программу проведения телеуроков для школьников обеих стран. Мне, как участнику проекта, нужно было составить предварительный план занятий и найти в Москве школу, которая согласилась бы принять в дар высококачественное и дорогостоя-

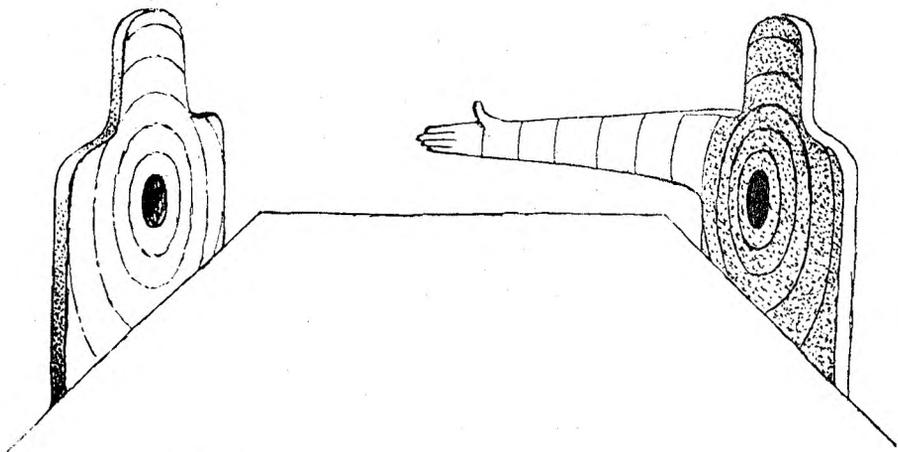

Рисунок Сергея ТЮНИНА (СССР)

щее оборудование. Так вот, мои попытки договориться напрямую со школой, минуя верхние этажи системы образования, оказались тщетными. Без санкций министерства и ведомства со мной как с представителем «народной дипломатии» иметь дела никто не захотел. Значит, для осуществления своего проекта люди из фонда Келлогга должны выходить на инстанции, правомочные решать подобные вопросы,— но упрямые американцы стремятся к контактам с личностями, а не с конторами.

Вот он, небольшой заколдованный круг, очерчивающий диапазон народной дипломатии у нас в стране: народные дипломаты, их личные достоинства и возможности находятся **внутри** этого круга, а снаружи, на всей остальной территории действуют законы Системы. И я вполне отдаю себе отчет, на каких этапах будет решаться судьба и нашего проекта, и других «гражданских» замыслов.

Так вот, мне для самоуважения во что бы то ни стало нужно, чтобы наши американские собеседники знали, что мы, каждый из нас, их деловых партнеров, можем сделать **лично**, какова степень нашей компетентности и ответственности, каков радиус нашей свободы. Я не хочу, чтобы они обманывались на этот счет!

Мне важно, чтобы они приняли во внимание то обстоятельство, что мы были равноправными участниками диалога там, в Вашингтоне, только в плане идей, в сфере интеллектуальной, научной, чисто человеческой. С точки зрения дела, принятия решений и выполнения этих решений мы поставлены в неравные условия— ибо, будучи неофициальными лицами, мы ничем не можем гарантировать эффективность наших переговоров. В нашем обществе пока нет таких механизмов, которые бы обеспечивали реализацию усилий, хотя бы в незначительной мере выходящих за рамки личного общения. Более того: у нас кое-где и вовсе не представляют, каковы порядок и формы сотрудничества гражданина с общественными организациями.

По представлениям некоторых безмандатных партийных органов добровольной инициативы человека неофициального принимать не можно и не должно.

Итак, что же в таком случае есть нарядная дипломатия и кто есть мы, бывавшие в этой роли?

В языковом обиходе слово «дипломат» (если отвлечься от его основного значения) имеет оттенок во многих смыслах нежелательный, ибо подразумевает такие качества человеческого поведения, как ловкость, уклончивость, хитрость, тонкая расчетливость. Никакого отношения к взыскуемой всеми нами правде, искренности, честности эти качества не имеют.

Значит, в отличие от официальной дипломатии, остро нуждающейся в гуманизации и нравственном оздоровлении, в отличие от существа самого понятия «дипломатия» как умения ловко обходить острые углы, феномен народной дипломатии — это феномен общения людей, не обремененных властью, но уполномоченных совестью и чувством личной сопричастности ко всему, что происходит там, где вершится история. В официальной дипломатии всегда есть сторона более преуспевшая — здесь, в диалоге граждан, одержать победу могут или все, или никто. В идеале народная дипломатия — это те интернациональные силы добра, правды и человечности, которые заставят, вынудят правительства жить по законам справедливым и безопасным для мира. Наверное, это то самое, о чем мечтал Лев Толстой: «Я хочу, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтобы она стала **непоколебимым требованием честной совести**».

В этом своем качестве наша народная дипломатия делает первые шаги. Может быть, даже иногда она и вовсе топчется на месте, осматривается, поспукает опрометчиво, соображая, куда и как идти, что делать,— ведь действительно, подобное общественное движение рождено перестройкой и напрямую связано с ней. И мне, кому посчастливилось выступить в прекрасной роли «гражданина мира», хочется быть предельно точной в своих ощущениях, оценках и мыслях по поводу полученного опыта — любые приукрашивания, преувеличения, любые иллюзии и миражи здесь лишь вредят делу. Нам с американцами в наших человеческих и госу-

дарственных контактах долго мешал, вредил «образ врага». Это была опасная абстракция. Образ американца «рубахи-парня», как и образ русского, «своего в доску», — тоже абстракция, хотя и не такая опасная. В этом смысле диалог граждан должен быть направлен, по-моему, на преодоление всяких абстракций, на восприятие людей и их жи-

зненных проблем в личностном, конкретно социальном, функциональном, морально-психологическом аспектах.

Поэтому я вижу смысл народной дипломатии не столько во встречах шествиях с белым флагом, не столько в театрализованных братаниях, сколько в честном, терпеливом и обязательно деятельном познании.

Андрей Нуйкин:

СИЛОВОЕ ПОЛЕ ДУХОВНОСТИ

«Когда я хочу кого-то наказать, я лишаю его разума», — так, по преданию, говаривал Бог. Решение наказать человечество в целом у него, похоже, созрело в первой половине XX века, когда физиков, химиков, биологов, изобре-

тателей, строителей обуяла мода на «безумные», «сумасшедшие» идеи. Чем неожиданнее, фантастичнее, несусветнее придумывались ими идеи, проекты, теории, тем громче они аплодировали себе, тем увереннее пророчили всеобщее

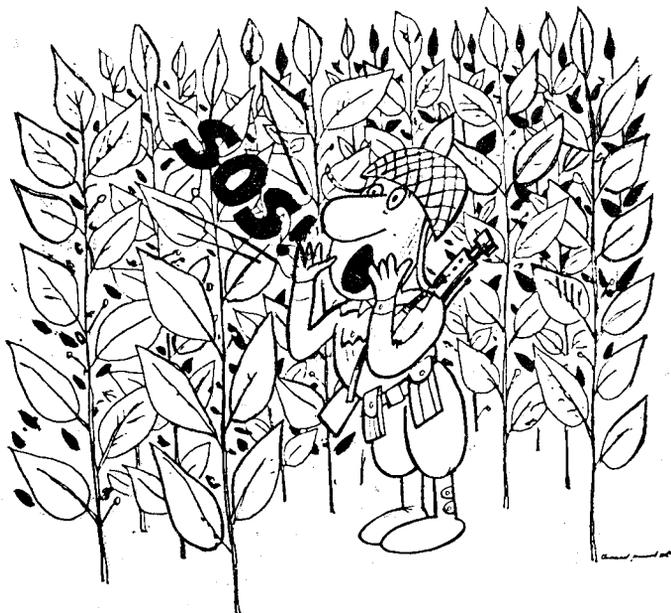

Рисунок
Светослава
ЯНАКИЕВА
(Болгария)

благоденствие и счастье. Здравый же смысл обливался презрением и осмысливался как проявление дикости и бездарности. К чему привела эта «мода», мы видим. Человечество мечется в панике, окруженное со всех сторон смертельными угрозами и неразрешимыми проблемами, не видя перед собой ни единой ведущей за горизонт дороги. Куда мы ни бросимся — везде или тупик, или ловушка, или трясины.

Идея «нового мышления», пламенно пропагандируемая Михаилом Горбачевым, призывает всех нас: и политиков, и хозяйственников, и ученых, и писателей, и просто представителей единого рода человеческого — восстановить в правах здравый смысл. Здравый! То есть здоровый — не больной, не бредовый.

Мы видим, какой горячий отклик находит эта идея в мире. И в то же время порой складывается впечатление, что в погоне за «сумасшедшими» (шизофреническими) идеями («покорения природы», обретения превосходства и власти над другими народами, навязывания окружающим своих вкусов при помощи танков и ракет) мы успели зайти слишком далеко. Так далеко, что никакой здравый смысл уже не успеет спасти нас на путях последовательного и постепенного демонтажа чудовищных конструкций, развешанных на тонких нитях нами над собственными головами. Слишком уж все в них перелутано и алогично, чтобы можно было рассчитывать на одну только логику. Видно, вновь нам придется признать правоту древнегреческих философов, утверждавших, что подобное лечится подобным.

Вырвать нас из пут и противоречий, которыми оплели цивилизацию сумасшедшие технократы и апологеты «силовых» решений, похоже, смогут тоже только какие-то алогичные, «безумные», если хотите, идеи, порывы, устремления. Логика (даже самая безукоризненная, самая диалектичная!) спасти нас просто не успеет. Ей ведь надо сначала собрать достаточное количество достоверных данных, потом их проанализировать, потом выработать предложения, потом убедить тех, кто принимает решения, в спасительности найденных мер, потом...

Этого вот «потом» может и не последовать, ибо те, кто принимает решения, чаще всего в своих действиях руководствуются вовсе не замешанной на здоровом смысле логикой, а той, что оправдывает их безрассудство в погоне за сиюминутными выгодами.

Я впервые посетил Соединенные Штаты и пробыл там всего двадцать дней. Очень рискованно при этом делать широкие обобщения и твердые выводы. У людей бывалых, уставших от многочисленных «загранок» и собственной мудрости, есть все основания снисходительно похлопывать меня по плечу и скептически улыбаться по поводу итогов «советско-американской встречи граждан на высшем уровне». Не подняла эта встреча нас на «новую ступень» по сравнению с предыдущими, считают некоторые бывалые люди, снова речи, клятвы, обнимания, поверхностные контакты, не слишком практичные проекты... Не кардинально это, не радикально, не конструктивно!..

Что сказать в ответ? Сказать, что, наверное, для народной и государственной дипломатии нужны разные люди? Но ведь веление времени как раз в том и состоит, чтобы слить эти два вида дипломатии воедино. Снова тупик? Ведь сливать воедино требуется несоединимое: умудренность и наивность, расчет и безрассудство, скептицизм и порыв, да так, чтобы одно не уничтожало другого. Задача! Что ж, выскажусь с позиций наивности.

Если говорить только об американско-советских отношениях, то цепочки противоречий, предрассудков, предубеждений, которые нам предстоит преодолеть, чтобы достигнуть не просто «мирного сосуществования», а именно дружбы и сотрудничества (без которых мир скорее всего полетит в тартары), поистине бесконечны, а некоторые не только переплелись, но и замкнулись кольцами, «заиклились». Мы можем бегать вдоль них до бесконечности, как белки в колесе, в поисках выхода. При самых добрых намерениях, опираясь на мудрость, терпение, опыт... Ну а вдруг единственный выход в том, чтобы плюнуть на опыт и занять «сумасшедшую» позицию? Просто взять и презреть старую мудрость, прошлый опыт, доказав-

шую свое бессилие логику? Просто взять и выбросить из голов своих все эти дурацкие противоречия, предрасудки и предубеждения, сколь бы реальными и исторически обусловленными они ни были, как бы глубоко ни про­низывали всю нашу политику, экономику и идеологию? Несерьезно, легко-

весно, бесперспективно это?... Может быть, может быть... Но разве не «легкомысленным идеалистом» выглядит росток одуванчика, вознамерившийся пробиться к солнцу сквозь пласты асфальта? И тем не менее...

Да, во время нашей поездки по США много было чисто эмоциональных всплесков, красивых речей, клятв, об­ятий, заверений в любви и дружбе. С позиций «жизненного опыта» и скептицизма (для которого у людей, увы, всегда достаточно вполне серьезных оснований) все это очень уязвимо, несерьезно, легковесно. Но мне за всем этим видится живой росток одуванчика, дерзко и алогично взламывающего толщу мертвого асфальта. Да разве только «видится»? Разве только мне? Группы советских людей забирались в ходе этой встречи в самые отдаленные уголки США, и везде они встречали быстро растущие интерес к нашей стране, дружелюбие, готовность идти навстречу.

И не случайно, думается, в миротворческом движении этой страны, все более активную роль играют женщины. Они меньше подвержены диктату скрывающих душевные порывы и парализующих волю логических аргументов. Я на себе испытал «заразительность» охватившего в США достаточно широкие слои населения романтического порыва к идеализму, прекрасного «безумия», которое вопреки здравому смыслу предлагает нам не расчищать один за другим завалы на пути к дружбе, а преодолеть их одним духовным рывком, презреть их, будто они пустяк, будто их нет и не было. И зажечь дальше по новым законам, уже исключающим возникновение таких «завалов». Смешной детский прием? Что же, «будьте, как дети, и войдите в царствие мое!» Смешно же это только с позиций позавчерашнего опыта, а с позиций завтрашнего дня это не смешно, но весело и прекрасно. Древние греки когда-то внесли в большую политику немного детскости — взяли и условились, что в период олимпийских игр надо прекращать все войны. Представляю, как издавались над этой «наивной» затеей трезвые, знающие жизнь политики, как убедительно объясняли они, почему этого «не может быть». Но было же!

Рисунок Вадима БОРЕЙКО (СССР)

Смутно и неуловимо все это — симпатия — антипатия, любовь — нелюбовь, «разоружение душ» — «вооружение душ»? И итоги народной дипломатии в этих сферах — распливчатые, «неконструктивные»? Конечно. Только ведь дипломатия эта особенная, обычную, политическую, она заменить не может, но изменить ее дух, ее характер, способствовать созданию на Земле атмосферы доверия и доброжелательства — она в состоянии. А может быть, это и есть сейчас для всех жителей нашей планеты самое важное и единственно спасительное движение?

И нельзя к этой «дипломатии» подходить со старыми мерками, требуя «зримых» результатов, четко запланированных этапов, «конструктивных» форм. Тут не механическое наращивание межгосударственных объединительных конструкций происходит, а алхимия душ, таинство зарождения живого из мертвого, эффект лампы Аладдина.

В этой дипломатии главный аргумент — не число боеголовок, не производительность доменных печей, не цифры товарооборота, а выражение глаз встретившихся людей, сила рукопожатий, доброжелательность и остроумие шуток... Поэтому и надо именно встречаться, разговаривать, касаться друг друга, улыбаться друг другу, хотя для политических и научных обобщений все это материал сугубо эфемерный, учету не поддающийся.

«Красота спасет мир!» — провозгласил Федор Достоевский. Да. Если что и спасет, так именно красота. Не мертвая — музейная — разумеется. А та, что ищет выхода (и пока так редко находит его) в наших душах, не желая подчиняться «железной» логике, твердым знаниям, многовековым напластованиям опыта. Нет, не любая красота нам во спасение, полет ракеты с ядерной начинкой тоже может быть красив. Во спасение — красота человеческих отношений, благородства, совести, дружелюбия, доверия и высокого интеллекта. «Высокого» — значит, такого, который не отделен от красоты духовных движений, не противостоит им, а слит нерасторжимо. На этом задержусь чуть подробнее, чтобы не сложилось впечатление, будто «безумие», которое я

прославляю, не соединимо с разумом, мудростью, интеллектуальной мощью. Речь о другом, о том, что и здесь нам стоит пересмотреть мерки и стандарты.

Духовность, о которой мы сейчас так много говорим, это не просто душевность, то есть доброта, умение сострадать, иметь совесть и т. д. Духовность предполагает высоту и масштабность души. Духовность без душевности, конечно, невозможна, но если последняя совместима с камерностью, «домашностью», внеинтеллектуальностью, то в духовность она вырастает, только сочетаясь с широтой человеческих интересов, с высокой мыслительной культурой.

Духовность — это, я бы сказал, сочувствие миру, достигшее общечеловеческих масштабов. Быть духовным значит быть душевно раскрытым для всех глобальных проблем века, болеть всеми болями своего народа и человечества, радоваться их радостям, быть за все лично в ответе: за прошлое, настоящее и будущее...

Но в том-то и дело, что каждому в отдельности этого уровня не обрести. Духовность — не плод рассудочных исканий, не побочный продукт знаний, образования. Духовность — это особое «силовое поле», которое создает вокруг себя человечество. Истинная человечечность каждого определяется мерой и характером «подключенности» к этому полю. Душевность с этих позиций — «приемник», работающий на волне человечности, она выражает способность улавливать модуляции поля, быть подключенной к его энергии, потреблять ее, преобразуя в человеческие поступки. Это очень важно, но откуда берется само поле? Если мы все будем только потреблять его мощь, не «питая», оно быстро «выдохнется», исчезнет. Нет, у каждого из нас должен быть не только «приемник» но и «передатчик», генератор, который, сливая свои импульсы с квантами духовности других людей, и создает это самое «силовое поле», не давая падать его напряжению.

Но свои импульсы доброжелательства мы не можем отправлять безадресно, в околосемное пространство. Они рождаются при контактах реальных человеческих душ. В ходе нашего недолгого

путешествия по США я видел, как это происходит, порождая процессы планетарного масштаба. Вернее — не «видел», а чувствовал.

И самый дорогой подарок, который я привез в Москву из Америки, этот листок бумаги, на котором рядом с красочными цветами крупными детскими каракулями выведено: «We love Andrei». И подпись: «Love. Benjamin and Stephanie».

Уезжая из далекого-далекого Сиэтла, я твердо знал, что никому, как бы он ни старался, уже не удастся поссорить меня с оставшимися в этом городе моими новыми друзьями. А среди них и Шелли с Марком, каракули сына и дочки которых свидетельствуют для меня, что дружба эта уже начала ронять здоровые семена в пласты жизни будущих поколений.

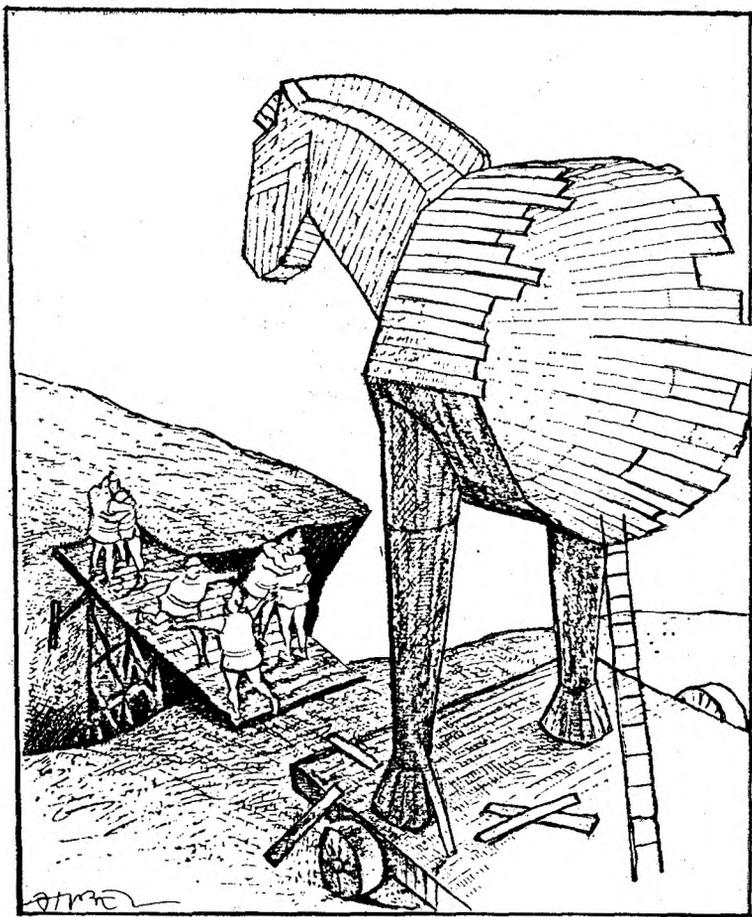

Рисунок Альберто МОРАЛЕСА АХУБЕЛЯ (Куба)

Алексей Панкин:

РАБОТА НА ПЕРЕСТРОЙКУ

Я много раз участвовал в акциях в рамках народной дипломатии и в США, и в СССР, так что мне хотелось бы воспользоваться нашим сегодняшним разговором для того, чтобы попытаться критически осмыслить уже имеющийся опыт.

В народной дипломатии, как и в большой дипломатии, очень важно представлять себе цели, которые стоят стороны. Для американцев здесь все понятно: они стремятся развеять ложные подозрения, стереотипы, которые существуют у американцев в отношении Советского Союза, очеловечить, так сказать, советских людей в глазах американцев, а также, приезжая в Советский Союз, показать советским людям, что американцев не надо бояться, что они вполне дружелюбны, открыты.

С нашей стороны тоже есть такие цели, хотя, как мне кажется, у советских людей все же меньше диких представлений об американцах (типа «люди с рогами»), чем у них о нас. Но мне представляется, что совершенно необходимо, чтобы организаторы народной дипломатии с советской стороны осознали еще одну важную, может быть, наиболее важную для нас цель: познакомиться как можно больше наших людей с жизнью за границей.

Попытаюсь объяснить это, возможно, несколько неожиданное заявление. У нас существовала достаточно ограничительная, чрезмерно усложненная практика выезда за границу для лояльных советских граждан. В общем, банальная мысль, что любые ограничения, запреты — это всегда реакция на неуверенность, страхи, ощущение опасности. В данном случае, я полагаю, те, кто вводил эти запреты и сложности, неосознанно боялись, что советский человек, побывав за границей и сравнив жизнь у них и у нас, разочаруется, утратит веру и т. п. Мне кажется, это придуманные страхи. Гораздо страшней, если люди, не имея возможности сравнивать, смиряются с тем, как они живут: более или менее хорошо; ну и можно бы еще

чуть-чуть получше. Сегодня ведь у нас нередко говорят, что чуть ли не все проблемы, особенно с молодежью, — это результат «сытости»... Так что пусть люди, выезжая за границу, увидят, что может быть, и как должно быть у нас. Что могут быть магазины, набитые продуктами и одеждой, что может не быть очередей или что в очередях, которые случаются и по ту сторону, можно стоять спокойно, не пихаясь и не пролезая вперед всеми правдами и неправдами. Что на улицах можно улыбаться друг другу, ну и так далее. Кстати говоря, и «язывы» неплохо увидеть своими глазами; они, как правило, достаточно очевидны, да и местные жители откровенно обсуждают их со своими гостями.

Короче говоря, мне кажется, что знакомство с другой, более, как правило, устроенной и хорошо организованной жизнью, — это не повод для цинизма, а скорее стимул сделать так, чтобы и у нас было не хуже. По крайней мере, труднее будет укрываться и людям, побывавшим за границей, и начальству за «объективными» причинами и трудностями. Мы в конце концов не единственная страна, испытавшая разруху, природные условия для сельского хозяйства у нас едва ли хуже, чем, скажем, в Финляндии. Так что, как мне представляется, народная дипломатия сегодня с нашей стороны — это еще и работа на перестройку.

В связи с этим встает такой вопрос: кто участвует в народной дипломатии? Мне кажется, что нужна серьезная демократизация отбора участников. Всякий раз в советских делегациях оказывается много одних и тех же людей; это либо специалисты-международники, либо люди известные, которые и так имеют много возможностей ездить по служебной линии, и в массе своей — москвичи или жители крупных городов. Их уже трудно чем-то удивить, их восприятие утратило во многом свежесть. С американской стороны обычно бывает большинство людей, которые могли позволить себе оплатить участие в том или ином мероприятии (это, как пра-

вило, не богатеи, но люди достаточно зажиточные), или которые завоевали право приехать, приняв участие в каком-то конкурсе, или делегаты общин, собравших деньги на поездку. И в общем-то возникает нередко дисбаланс: наши более квалифицированы как специалисты, более прагматичны, американцы же более эмоциональны, импульсивны, порой даже наивны. Иногда это препятствует установлению взаимопонимания. На нашей вашингтонской встрече, например, для американцев огромное значение имели разного рода символические действия: медитация, возжигание свечей и другие вещи такого рода, а у многих участников с советской стороны они вызывали чувство неловкости. Но

ведь у нас в стране немало людей, которым бы эти медитации тоже пришлись по вкусу. Не логичней ли было послать на встречу граждан в верхах и таких представителей?

Советская общественность — это не только эксперты, не только вполне респектабельные, известные и традиционалистски настроенные люди. Мы представляем общественность во всей совокупности существующих в ней ориентаций, образов жизни. И в общем все слои должны иметь возможность участвовать в народной дипломатии. Практически этого можно было бы добиться путем введения конкурсной системы отбора кандидатур для участия в акциях народной дипломатии. Например, вроде

— Давай не будем начинать все сначала.

Рисунок Гарри Нью
(Великобритания)

бы договорились о проведении аналогичной «встречи в верхах» в Советском Союзе. Может быть, уже сейчас объявить конкурс социальных проектов по всей стране, которые можно было бы представить американцам? Экспертная комиссия при СКЗМ, состоящая из уважаемых людей, могла бы оценить их и пригласить победителей для участия во встрече.

Кроме того, мне представляется, что мы кровно заинтересованы в том, чтобы привлекать для участия в народной дипломатии как можно больше людей из разных районов страны, расширять географию народной дипломатии. Почему? Одной из наиболее привлекательных черт американского образа жизни мне представляется подлинный коллективизм «настоящей Америки», то есть населения небольших городков. Люди там не ждут, что их проблемы будут решены за них сверху, а сами активно стремятся к улучшению своей жизни. Добровольные экипажи «скорой помощи» и пожарные дружины, ассоциации по изучению местной истории, организация разного рода кружков, учебных курсов, центров искусств на общественных началах, экологические проекты на добровольно вносимые средства населения, наконец, такие простые, но необходимые вещи, как взаимопомощь по уходу за детьми или престарелыми,— все это и многое другое американцы делают с огромным удовольствием в порядке общественной работы.

Нам надо учиться у них этой великолепной самостоятельности, умению чувствовать себя хозяевами своей жизни. Поэтому я бы предложил, чтобы мы вовлекли в народную дипломатию как можно больше людей с мест, причем желательно людей уважаемых, к которым бы прислушивались. Пусть это будут партийные, советские, профсоюзные работники, журналисты и редакторы местных газет, лидеры неформальных объединений. Они смогут не только установить полезные контакты, но и проникнуться сознанием того, как можно много сделать для украшения жизни, если подходить к делу не иждивенчески, а творчески, с воображением.

И еще одно замечание. Участвуя в народной дипломатии, мы, как правило, до сих пор развивали отношения прежде всего с США. Мне представляется, что надо гораздо более активно и инициативно осваивать и другие регионы. В ту же Западную Европу, например, ездить куда дешевле, и туда можно направить гораздо больше людей. А уж почерпнуть и посмотреть там много чего найдется, не меньше, чем в Америке.

Коротко подводя итог высказанным мною соображениям, я хотел бы сказать, что сейчас, когда народная дипломатия уже накопила определенный опыт, настала пора критически оценивать нашу деятельность в этом направлении, четко определить приоритеты, задачи, возможности и средства их достижения.

Фонд наших сердец

Интервью с председателем
правления Советского фонда мира
Анатолем КАРПОВЫМ

— Анатолий Евгеньевич, наши читатели интересуются суммой поступлений в Советский фонд мира.

— Сразу оговорюсь, что эта величина не постоянная (у нас ведь нет членских взносов), она не поддается планированию и никем не регламентируется. В январе 1988 года мы подвели итог за прошлый год. На счет СФМ поступило 273,4 миллиона рублей.

— Сумма впечатляет. Что за ней стоит? Кто вкладчики Фонда мира?

— Сумма, действительно, большая, но ведь и участвуют в пополнении Фонда десятки миллионов людей. Надо отметить при этом, что амплитуда взносов у нас очень велика — от нескольких копеек, переведенных школьниками, до нескольких тысяч рублей от видных деятелей науки и культуры, государственных и общественных деятелей, коллективов предприятий. Участники Фонда мира представляют все категории и слои нашего населения, все нации и народности нашего многонационального государства. Движет ими одно стремление — сохранить мир на Земле, не допустить ядерной катастрофы.

— Влияют ли каким-то образом на поступления в Фонд события международной жизни?

— Связь есть и самая непосредственная. Причем, сейчас, по-моему, появилось нечто новое. Если раньше мы замечали заметный рост поступлений в период обострения международной напряженности и некоторый спад в периоды ее ослабления, то в настоящее время — в условиях позитивных сдвигов в советско-американских отношениях — рост поступлений не снижается. Тем самым, думаю, советские люди не только выра-

жают поддержку новому политическому мышлению, но и стремятся своим личным материальным вкладом содействовать процессу укрепления дружбы и взаимопонимания между народами.

— Одна из распространенных форм содействия Фонду — так называемые трудовые вахты мира. Насколько они эффективны?

— Самое важное, что они проводятся по инициативе самих трудящихся того или иного трудового коллектива. Здесь есть уже свои добрые традиции, трудовые вахты мира стали заметным феноменом общественной жизни. Они несут в себе высокий воспитательный потенциал. В прошлом году это движение получило особый размах — в преддверии 70-летия Великого Октября и ленинского Декрета с мире.

— В нашей стране ежегодно проводятся крупные акции движения за мир. Например, Неделя действий ООН за разоружение, День профсоюзных действий за мир. Как это сказывается на поступлениях в Фонд?

— Самым прямым образом: наибольшие суммы добровольных взносов поступают как раз в ходе таких акций. Об этом говорят и примеры прошлого года, когда в период «Волны мира», например, резко возросли поступления в Фонд.

— Наших читателей интересует, на какие конкретные цели расходуются средства Фонда. Не могли бы Вы рассказать об этом на примере, скажем, прошлого года?

— Для советского движения за мир и международную солидарность 1987 год был годом активных действий за построение безъядерного и ненасильственного мира, расширения связей и

плодотворных контактов с зарубежной общественностью, утверждения нового политического мышления. Совместные выступления мировой общественности, антивоенных движений, стремящихся отвести от человечества угрозу ядерного самоуничтожения, содействовали созданию атмосферы, сделавшей возможным подписание в Вашингтоне советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Свой вклад в позитивные итоги этой встречи внесла и советская общественность. Важнейшим событием в этом плане явился московский международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». Он подтвердил эффективность нашей внешнеполитической линии, которая в целом получает поддержку широких и разнородных кругов мировой общественности. Встреча М. С. Горбачева с участниками форума, комплекс выдвинутых в его выступлении идей придали этому событию особую значимость. Философия нового политического мышления, основанная на ее принципах программа перестройки международных отношений, как показал форум, воспринимается широкими кругами как единственно разумная альтернатива гонке вооружений и необходимое условие для радикального перелома хода мировых событий.

В 1987 году в Москве состоялись также такие крупные мероприятия, как VII конгресс международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», Всемирный конгресс женщин, Международный форум «Сотрудничество в космосе во имя мира на Земле», другие международные встречи миролюбивой общественности.

Дальнейшее развитие получило проведение различных, совместных с зарубежной общественностью, антивоенных акций (марши мира, походы, круизы и т. п.) как в СССР, так и за рубежом. Политическое значение этих акций, которые по существу являются примером «народной дипломатии» в действии, состоит в том, что их участники — представители широких кругов общественности и тысячи так называемых «простых

людей» — активно включаются в движение за мир и имеют широкие контакты непосредственно с населением тех городов, где проходят эти мероприятия.

Международные конференции и семинары, массовые антивоенные акции, обмен делегациями, спецтургруппами активистов движения за мир, молодежные и детские обмены — все это способствует ликвидации стереотипов мышления периода «холодной войны», развенчанию мифа о «советской военной угрозе», укреплению взаимопонимания между народами, расширению солидарных действий мировой общественности во имя утверждения всеобъемлющей системы международной безопасности.

На проведение международных встреч, форумов, конференций, семинаров и других совместных антивоенных акций, развитие связей советской общественности с зарубежными организациями и движениями, выступающими за мир, свободу и национальную независимость, в 1987 году израсходовано 27,2 миллиона рублей.

Часть денежных средств была затрачена на укрепление материальной базы советского движения за мир и дружбу между народами. В частности, открыты Дома мира и дружбы в Свердловске и Новосибирске. Решен вопрос о создании Домов мира и дружбы в Волгограде, Хабаровске и Куйбышеве.

В соответствии с многочисленными пожеланиями вкладчиков выделено 40 миллионов рублей на строительство и оснащение лечебных учреждений для ветеранов войны и труда, а также на увековечение памяти советских людей, сражавшихся против фашизма. Это выражает всенародную признательность и глубокое уважение нашего народа к тем, кто отстоял честь, свободу и независимость нашей Родины, обеспечил мирное будущее грядущих поколений.

В 1987 году из средств СФМ выделено 120 миллионов рублей для оказания материальной помощи детям-сиротам, улучшения условий их жизни в детских домах-интернатах. Это решение с одобрением воспринято миллионами вкладчиков СФМ. Забота нашего общества о де-

тях, и особенно о детях-сиротах,— это яркое проявление не только гуманизма, но и миролюбия, потому что борьба за мир — это прежде всего борьба за счастье и будущее подрастающих поколений.

Важной статьёй расходов СФМ является пропагандистская и издательская деятельность. Он оказывал финансовое действие в издании журналов «Век XX и мир» (наши читатели знают об этом из ссылки, которую мы печатаем в каждом номере журнала на последней странице обложки), «Азия и Африка сегодня», книг и брошюр по проблемам мира и разоружения.

На средства Фонда закупились плакаты, изготовлялись значки, выпускались фильмы на антивоенную тематику. В 1987 году осуществлено второе издание книги «Личный вклад в дело мира», выпущен в свет сборник «Не для войны сыновей мы растим». Фонд финансировал издание на английском языке книги «Будем друзьями», с которой американская общественность могла ознакомиться в дни визита М. С. Горбачева в Вашингтон в декабре 1987 года.

— Не могли бы Вы привести примеры интернационалистской, гуманной помощи, оказанной Советским фондом мира?

— Выражая волю вкладчиков, чувства их интернациональной солидарности и исходя из положений своего устава, Советский фонд мира в 1987 году оказывал материальную помощь жертвам войн и агрессий, населению стран, пострадавших от стихийных бедствий, а также национально-освободительным движениям и прогрессивным зарубежным общественным организациям.

На оказание срочной материальной помощи в виде поставок медикаментов, одежды, обуви, тканей, палаток, транспортных средств, оборудования, продовольствия, других товаров первой необходимости населению Никарагуа, Афганистана, Эфиопии, Индии, Мозамбика, Анголы, Мадагаскара, Ганы, Кампучии, Буркина Фасо, Танзании, Чада, а также Африканскому национальному конгрессу (АНК) Южной Африки и Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) было выделено около 6 миллионов рублей. К этому следует доба-

вить, что определенные средства были израсходованы на доставку посылок с дарами пионеров и школьников, молодежи, женщин, поступивших в Правление СФМ, которые были отправлены детям Никарагуа, Афганистана, Вьетнама, Кампучии.

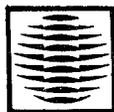
Совместно с другими общественными организациями Фонд мира принимает участие в реализации ряда совместных международных программ, в частности Фонда «Африка», который был создан в соответствии с решениями Конференции неприсоединившихся государств в Хараре.

По линии Советского комитета солидарности с народами Латинской Америки, Советского комитета защиты мира, Комитета советских женщин СФМ оказывал помощь в укреплении материально-технической базы (путем поставок множительной техники, ротаторной и писчей бумаги, канцелярских принадлежностей, культ- и спорттоваров, кино- и фототехники, транспортных средств, оборудования для социальных центров женских организаций, библиотек политической и художественной литературы) их партнерским организациям в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

На выделяемые Фондом мира средства в Советском Союзе в 1987 году обучалось свыше 4,5 тысяч студентов из 65 стран Азии, Африки и Латинской Америки — стипендиатов Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Комитета советских женщин и других организаций.

Всего в 1987 году на реализацию целей и задач Советского фонда мира было выделено около 200 миллионов рублей. Часть оставшихся средств составляет резерв, а также будет расходоваться на финансирование долгосрочных целевых программ и проектов Фонда мира. Хочу в заключение подчеркнуть, что вопрос о расходовании средств СФМ решался его Правлением в тесном сотрудничестве с советскими общественными организациями, исходя из волеизъявления и пожеланий миллионов участников Советского фонда мира.

Интервью провел Шарип ЮСУПОВ.

КИТАЙСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

История нашего Отечества богата фактами интернационального содружества и взаимопомощи трудящихся многих стран. Сейчас, в период перестройки и оживления гуманитарных связей советского общества с народами мира, мы вновь с благодарностью вспоминаем воинов-интернационалистов, пришедших на помощь молодой Советской власти в годы революции и гражданской войны.

В августе 1918 года в столице только что созданной Терской республики г. Владикавказе (ныне город Орджоникидзе) разгорелись ожесточенные бои между отрядами Красной гвардии и силами контрреволюции. В центре этих событий, в самых горячих местах боев, находились китайские воины-интернационалисты, проявившие стойкость, героизм и верность делу социалистической революции. Подвиги китайских бойцов не забыты, они служат свидетельством интернациональных связей и взаимной дружбы народов СССР и Китая.

Немало китайских трудящихся еще до Октябрьской революции в поисках выхода из беспросветной нужды эмигрировали в Россию. Часть их оказалась на Северном Кавказе. В годы революции и гражданской войны симпатии китайских эмигрантов были на стороне Советской власти. Весной 1918 года, накануне III съезда народов Терска, по инициативе первого председателя Совнаркома Терской республики Ноя Буачидзе формируется Владикавказский отряд китайских интернационалистов. Летом того же года в отряд вошла группа китайцев, прибывшая из Таганрога, и китайские рыбаки из Астрахани. В это время в отряде насчитывалось 450-500 человек, к концу 1918 года их число возросло до 800.

В китайский отряд входило и двадцать русских и армян — бойцов и санитаров, уроженцев Владикавказа. Вскоре отряд был преобразован в Китайский батальон, его командиром стал

Пау Ти-сан (Костя). Владикавказский Китайский батальон стал грозной силой в борьбе с контрреволюцией.

Пау Ти-сан родился в 1887 году в г. Мукдене, рано осиротел, в 1905 году был взят возвращавшимся из Маньчжурии русским генералом и привезен в Тифлис, где он окончил гимназию. После этого Пау Ти-сан плавал матросом на кораблях. Есть сведения, что перед Февральской революцией 1917 года он был студентом Петроградского технологического института. В Петрограде он стал и членом РСДРП, а в ноябре 1917 года вступил в Красную гвардию.

По случаю преобразования китайского отряда в батальон состоялся митинг, на котором С. М. Киров вручил батальону Красное знамя. Выступая на митинге, Пау Ти-сан сказал: «Революционная Россия стала нашей второй родиной, мы клянемся быть ее верными бойцами, солдатами революции».

Летом 1918 года наступили дни суровых испытаний для молодой Терской республики. Горская и казачья буржуазия, сомкнувшись с белогвардейской военщиной, организует крупные контрреволюционные восстания. Китайские интернационалисты участвуют в разгроме белогвардейских формирований Кибирова и Бичерахова, выступая плечом к плечу с красноармейцами 1-го Красногвардейского полка, грузинского отряда Гегечекори, с красными кабардинскими всадниками, осетинскими керженистами. Прибывший во Владикавказ чрезвычайный комиссар юга России Г. К. Орджоникидзе высоко оценил действия Китайского батальона и приказал вооружить его пулеметами. Вскоре после этого и начались «августовские события».

В ночь с 5 на 6 августа 1918 года белогвардейские банды под командованием полковников Беликова и Соколова внезапным ударом захватили центр Владикавказа и начали наступление на его рабочие районы. Но многие опор-

ные пункты остались в руках Советской власти, силы которой плачивал Г. К. Орджоникидзе. На самых ответственных участках стойко сражались китайские бойцы Пау Ти-сана. Участник тех боев П. С. Кобаидзе много лет спустя рассказывал, что китайцы вели бой до последнего патрона. Так, группа китайских бойцов пять суток держала позицию близ дома барона Штейнгеля. Израсходовав боеприпасы, они пошли в штыковую атаку и почти все пали. Трое были захвачены врагами. На их спинах белые вырезали звезды, затем подвесили на руках на деревья. Двое погибли, третий был спасен красногвардейцами и тут же попросил винтовку, чтобы снова идти в бой.

Ожесточенные бои шли за здание штаба Красной гвардии. Трое китайских бойцов с пулеметом забрались на колокольню Линейной церкви, подняли красный флаг и оттуда в течение 10 дней вели сильный огонь по зданию штаба, не давая белым продвигаться. После разгрома и отступления белых красные бойцы на руках вынесли с колокольни героев, обессиленных от голода, жажды и непрерывного боя в окружении.

В районе железнодорожного вокзала рабочие дружины были сжаты вражеским кольцом, но они были спасены китайскими бойцами, пошедшими в штыки и отбросившими белых. Раненых дружинников китайцы вынесли из боя на своих плечах. На другом участке белогвардейцы послали к китайцам парламентаря, требуя прекращения огня и сдачи. Китайские интернационалисты ответили решительным отказом. Тогда озлобленные белые расстреляли 50 китайцев, попавших в плен.

В «августовских событиях» во Владикавказе покрыли себя славой китайские товарищи Пау Ти-сан, Ли Джан-юань, Пэн Хуай, Ли Чжен-цин, Ли Чен-тун, Чжан и другие. В дни смертельной опасности для Терской республики китайские воины-интернационалисты с честью выдержали испытание на верность социалистической революции. Чрезвычайный комиссар Г. К. Орджоникидзе и Терский народный совет высоко оценили боевые заслуги Китайского

батальона и объявили его бойцам благодарность.

После победы в августовских боях Китайский батальон оставался во Владикавказе, охраняя правительственные здания и общественный порядок. Во время наступления на Владикавказ белой армии Деникина, в январе 1919 года, Китайский батальон оборонял линию коммуникации между Владикавказом и Грозным. Затем батальон с остатками XI Красной Армии в самых тяжелых условиях отступил через калмыцкие степи в Астрахань, потеряв до сорока процентов личного состава. Участник похода М. М. Карпунин свидетельствует о героической гибели командира роты Лю Фа-лея под Астраханью. Окруженный белогвардейцами Лю Фа-лей отстреливался до последнего патрона, который приберег для себя, но не сдался врагу.

В 1920 году китайский отряд вошел в состав Красной Армии, освобождавшей Терскую область от деникинских банд. Командир его Пау Ти-сан назначается особоуполномоченным Терского ревкома, а затем ему поручается формирование нового китайского батальона в составе ВЧК. С этим батальоном Пау Ти-сан участвовал в ликвидации остатков белогвардейщины на Тереке. В 1922 году китайский отряд Пау Ти-сана был переброшен на борьбу с контрреволюцией в Среднюю Азию, а в 1924 году Пау Ти-сан направляется на революционную работу в Красную Армию Китая. Дальнейшая его судьба неизвестна.

...Прошло семьдесят лет. Давно зарубцевались раны гражданской войны на земле Северной Осетии. Но память о ней жива и неистощима, как наши чистые горные реки. Жива и благодарна память о китайских воинах-интернационалистах, защищавших первое в мире социалистическое государство. В их честь на одной из площадей г. Орджоникидзе воздвигнут обелиск.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук,
председатель Северо-Осетинского
отделения Советского фонда мира;
Феликс ТОТОВЕВ,
кандидат исторических наук.

ВСТРЕЧА В ПАГОДЕ АН КУАНГ

С преподобным Тхить Тхиен Тамом, буддийским монахом из пагоды Ан Куанг в Хошимине, заместителем председателя Союза буддистов города, первый раз мы встретились больше шести лет назад в Москве, на Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы».

«Моя страна знает, что такое война,— говорил он мне тогда.— Мир пришел на нашу землю после более тридцати лет кровопролития. Много выстрадал и мой родной город Сайгон, нынешний Хошимин. В годы американского присутствия там царили нищета, разврат, взяточничество, бандитизм. Это был город человеческих слез и страданий, которые несла с собой агрессия США, несла война. Этих преступлений нельзя забывать никогда. Окружающая действительность не только противоречила нашему пониманию морали, как монахов-буддистов, но и принципам человеческого достоинства. Многие мои товарищи не могли мириться с этим. Они обливали себя бензином и поджигали, требуя ухода американцев. Одним из центров сопротивления буддистов режиму Тхиеу, как раньше и Нго Динь Дьема, была пагода Ан Куанг».

И вот сейчас, оказавшись в Хошимине, я отправился в пагоду Ан Куанг.

За длинным столом сидели бонзы в желтых и коричневых буддийских одеяниях. Во главе стола, в кресле с высокой резной спинкой сидел Тхинь Тхиен Хао — глава пагоды и президент Союза буддистов Хошимина. Рядом — его помощник Тхинь Зао Тоан. А немного поодаль я увидел своего старого знакомого — Тхинь Тхиен Тама. Как это ни пока-

жется странным, он сразу узнал меня, подошел и широко улыбаясь, двумя руками, как это принято у буддистов, начал трясти мою руку.

«Оказывается, вы уже знакомы с одним из наших братьев?» — спросил Тхинь Тхиен Хао.

— Нас сблизила миротворческая деятельность, — ответил за меня Тхинь Тхиен Там.

— Да, это очень важная работа, — кивнул головой Тхинь Минь Хао. — Долг буддистов — бороться за прочный мир для всех. Великий Будда учит нас, что войны несут страдания людям, тогда как мир означает конец этих страданий, несет любовь всем живым существам. Но, скажите, как вам нравятся пагоды Хошимина?

Бонзы внимательно и спокойно выслушивают мои восторги о красоте городских пагод, уникальных произведениях живописи и скульптуры, находящихся в них.

«С тех пор как мир пришел на нашу землю, — говорит Тхинь Зао Тоан, — мы можем позволить себе наслаждаться красотой. При французах и американцах буддисты себе этого позволить не могли...»

Действительно, еще в пятидесятых годах буддисты объявили настоящую войну колониальной войне, войну диктатору Нго Динь Дьему. Пагода Ан Куанг считалась одной из самых бунтарских в городе. Ревностный католик Нго Динь Дьем побаивался и не доверял буддистам. В мае 1963 года им был принят даже специальный декрет об «ограничении» буддизма. В знак протеста в день рождения диктатора, 11 июня 1963 года, монах пагоды Тхинь Куанг Дук сжег себя в самом центре Сайгона. Многие монахи пагоды последовали примеру своего собрата. Они обливали себя бензином и поджигали и позже, при марионеточном правительстве Тхиеу, когда истинными хозяевами Южного Вьетнама были американцы. Тхиеу пытался учесть ошибки Дьема и стремился не ссориться с буддистами. Однако его политика, эскалация войны в стране вызывали возмущение в пагодах.

«В те годы,— вспоминает Тхинь Тхиен Хао,— я снял монашеское одеяние, взял в руки оружие и ушел в джунгли, к патриотам. Вы знаете, что обычно монахи далеки от политики. Они не вмешиваются в светские дела и не судят режимы. Однако тогда мы не могли терпеть несправедливость, видеть страдания народа. Мы боролись за справедливый и прочный мир. Можно сказать, что в те годы с оружием в руках и сжигая себя, буддисты Южного Вьетнама выполняли свою миротворческую миссию».

Еще один красноречивый пример. Летом 1969 года в пагоде Ан Куанг собрались две тысячи буддистов. Они обвинили правительство США в грубом нарушении прав человека в Южном Вьетнаме. А тогдашний секретарь совета пагоды преподобный Тхинь Хюинь Куанг громкогласно заявил, что рассказывает показаниями свидетеля трагедии в Сонгми, вьетнамской деревушке, где американские солдаты зверски убили сотни мирных жителей. Он рассказал о том, как убийцы врвались в местную пагоду и убивали молящихся людей. В знак протеста несколько монахов пагоды сожгли себя. На месте сожжения оказались иностранные корреспонденты. Многие средства массовой информации опубликовали порочащие Тхиеу и его американских хозяев материалы. В общем, много хлопот причиняла марионеточным властям мятежная пагода.

Вместе с Тхинь Тхиен Тамом я поднимаюсь на второй этаж, и мы попадаем в просторный зал. В центре — главный алтарь. На нем — изваяние Будды, вокруг головы которого — ореол из разноцветных неоновых огней. Перемещающиеся огоньки создают в полумраке очень величественную картину. Устой-

чивый запах тлеющих ароматических палочек. На стенах — маленькие дощечки с фотографиями. Это родственники умерших недавно людей принесли их портреты для поминания. Атмосфера торжественности, покоя.

Я смотрю на Тхинь Тхиен Тама, других монахов в желтых и коричневых одеяниях и ловлю себя на мысли, что выражение застывшего покоя в их глазах, так гармонирующее сейчас с атмосферой пагоды, не вяжется с рассказами о их настоящих боях с марионеточной полицией. Я представил себе, как сидящий в позе лотоса буддистский монах вдруг спокойной, недрожащей рукой подносит зажженную спичку к облатому бензином желтому одеянию. Легко ли решиться на такой отчаянный шаг?

«Правда ли, что буддисты не боятся смерти?» — спрашиваю я.

— Смерти боятся все люди,— отвечает Тхинь Тхиен Там.— Но долг священнослужителей, монахов — всегда быть со своим народом, разделить его страдания, а если надо, и принести свою жизнь в жертву ради справедливости и мира в стране, мира во всем мире. Сегодня мы видим свою миротворческую задачу в том, чтобы бороться против ядерной опасности, за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы. Так, как формулировалась идея московской религиозной конференции, на которой мы встретились с вами пять с лишним лет назад. Будда учит нас, что люди должны быть счастливы. И для этого необходим прочный мир. Такова позиция буддистов Вьетнама, и мы за этот мир продолжаем бороться».

Андрей ПРАВОВ (АНП) — специально для журнала «Век XX и мир».
г. Хомишин.

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО...

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

В Москве с конца прошлого года действует дискуссионный клуб СКЗМ «Мир и права человека». Раз в месяц юристы и литераторы, эксперты, активисты гражданских групп собираются и обсуждают правовые аспекты перестройки. Полемика в этих стенах остра, но в ней нет враждебности. Тут не обвиняют, не уличают — тут ищут решения, которые позволят различным людям свободно жить в одном обществе...

Лет десять, или около того назад, в годы, получившие от поэзии имя «конца прекрасной эпохи», а от политики — «эпохи благодушия», мы с друзьями сидели в одном московском подвальчике и суждения наши, в стиле тех лет, перетекали от политики к поэзии и обратно.

Подвальчик с трубами теплотрассы был нередкое место встреч во времена, когда социологи, философы и стилисты работали кочегарами да сторожами, а либеральные публицисты (тех же времен) осуждали их за «эскапизм». Впрочем, то был безобиднейший из грехов «эпохи благодушия» — эпохи, когда каждый без долгих слов знал, чего нельзя делать. Следовательно так и начинал разговор с гражданином словами: «Вы, конечно, знаете, о чем нам с вами предстоит говорить» — и гражданин, будь он инженер, редактор или поэт, действительно знал, ибо вещей, которые наверняка позволены, было мало, а что-то делать приходилось,

Итак, мы сидели в подвальчике и разглядывали серию карикатур Вячеслава Сысоева, прекрасного графика и довольно злого сатирика эпохи. Вот и теперь он разразился кипой ядовитейших рисунков на тему «Права человека». Серия пародировала обмен взаимными обвинениями на встрече «по проверке хельсинкских соглашений» между представителем Запада и представителем Востока — волей графика, неразличимыми. Сюжеты, соответственно, были парными — каждому западному «нарушению» соответствовало наше — и очень смешными: русского мужика в армяке хватал страшный чекист и, грозя наганом, выдирает у того из-за пазухи крестик да том с надписью «Архипелаг Живаго»; одновременно в Нью-Йорке, прямо перед зданием ООН, капиталисты во фраках жгли «Капитал» и насиловали негритянок. Под конец дипломаты обменивались кейсами поправных прав и, позвав друг друга руку, покидали трибуну; заключалась серия яростным боем,

где на изрешеченных знаменах противников с одинаковым девизом: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, был выведен дерзостной смесью латинского и кириллицы...

В семидесятые годы гуманитарные права, пресловутая «третья корзина» хельсинкских соглашений, стали основой в дидактической дипломатии, вдохновлявшейся идеей правового стандарта, — якобы универсального, одного и того же для США, Аргентины и Китая; причем контроль стандарта оставался за США. Дипломаты то обличали других, то лгали по долгу службы, а интеллигенция ловила их на слове — собственно, только этим и занимаясь...

Между тем, положение человека в мире семидесятых годов стало истинно ужасающим. Политические, социальные, экономические гарантии отменялись даже там, где они казались в относительной безопасности. В некоторых точках планеты деформация политического строя вовсе выводила людей за пределы цивилизации, угрожая самим основам ее — в Кампучии, гайанской истории или Фергане при диктатуре Адылова. Здесь разрушался всякий здравый смысл, и жизнь мыслящего существа становилась добычей абсурда, как бы стандартного безумия наяву. Но было ли все это результатом «нарушения стандарта»?

Теперь, когда пресса ежедневно приносит тревожную информацию о реальном состоянии дел у юристов, особенно важно нащупать ядро вопроса, каким оно затрагивает реальную жизнь соотечественников. И здесь ссылки на стандарты и прецеденты скорей всего помеха. Тоска по юридическому стандарту ослабляет внимание к ситуации человека и гражданина в нашем обществе.

В общем, наш спор о правах человека только начинается. Наиболее интересен разговор там, где люди разных профессий, привыкшие пользоваться своими жаргонами, вынуждены вырабатывать общие понятия. Это происходит, когда профессионалы встречаются в обстановке, где не надо нести преувеличенную ответственность за каждое из сказанных слов. В последнее время такие условия предоставляет Советский комитет защиты мира, организовавший

дискуссионный клуб «Мир и права человека». Состоялось несколько живых обсуждений, завязался разговор. Чтобы познакомиться читателя скорее с содержанием и ходом самой дискуссии, чем с мнениями отдельных выступавших, я привожу их реплики безымянными, вперемешку с собственными записями.

Из стенограммы

— Я хотел спросить мнение присутствующих о Законе о защите мира, принятом в 1951 году по инициативе Советского комитета защиты мира. Мы им страшно гордимся, это единственная наша законодательная инициатива — закон запрещает пропаганду войны в любой форме, как тяжкое уголовное преступление. Но со дня принятия он ни разу не применялся! Что это значит?

— В уголовном кодексе много статей, которые не применяются, однако имеют, как говорим мы, юристы, общепредупредительное значение, служа средством воспитания. Кроме того, я не знаю, есть ли вообще в нашей стране люди, которые бы открыто призывали к войне?!

— Не могу согласиться с этой идеалистической позицией. Либо я должен отказаться от собственных глаз, либо ввоз ракет на Кубу должен был бы привести, согласно Закону о мире, к наказанию людей, совершивших эту акцию. Когда М. С. Горбачев сказал недавно в Вашингтоне, что политика и безнравственность, к сожалению, слишком часто совместимы, мне вспомнилось классически безнравственное официальное заявление о том, что «ракет на Кубе нет». А заявление американцев о Пауэрсе, что это «случайно заблудившийся самолет»?

— Кстати, нельзя ли на основании Закона о защите мира подать в суд на писателя-милитариста? Мне кажется, материал для иска наберется...

— У нас такой судебной практики не было. Но, вообще говоря, законодательство того не запрещает. Можно подать иск, а уж выиграешь или нет...

Из блокнота

Закон 1951 года — едва ли мог быть инструментом защиты мира. Силы войны у нас — это силы гражданской, а не внешней вражды и отечественный «образ врага» — это образ врага внутреннего. Внешнеполитическое миролюбие дается нашей культуре значительно легче, как следствие примирения с соотечественниками. Зато и ни один внешний враг не злей соотечественника, который «знает, как надо». «За километр я нигде не видел настоящих людей, везде одна буржуазившаяся мразь» (Дмитрий Глухов, учащийся). «В общем, я считаю, что всю сволочь, мешающую жить нормальным людям, надо уничтожать, а то эти свиньи все доброе задуют и сожрут» (Ирина Сунцова, учитель).

..В душе моего народа еще живет зверь. Есть соотечественники, для которых некоторые вещи стоят того, чтобы рискнуть некоторыми людьми. И есть соотечественники, для которых таких вещей нет и не может быть. Спор между ними — неразрешим. Но из того не следует, что и право в этом вопросе должно колебаться! «Внутренний враг» — слово-людоед русской истории. Ни одно нашествие, ни одно иго не унесло столько наших людей, сколько этот зверь: следовательно, он должен быть изгнан навеки. Правительство, закон и порядок должны исключить как тяжчайшее преступление, пропаганду внутренней розни — социальной, политической, национальной. Конституционный строй — это мир на вечные времена, единственное основание миролюбия внешнего...

Из стенограммы

— У нас бывали периоды, когда мы обходились без смертной казни. Когда казнь восстанавливали, статистика тяжелых преступлений вырастала... Скажу прямо: не думено, чтобы современное общество смогло обойтись без смертной казни. Оно еще не созрело для этого, в том числе и наше обще-

ство. Мы, вероятно, сократим применение смертной казни и в законодательстве, и тем более на практике. Пускай это полумера, с нее надо начинать — приходится считаться с тем самым общественным мнением, которое мы так скверно воспитывали...

— Я с вами, конечно, не согласен. Да, мы не готовы, и само общество не желает отмены смертной казни — но ведь это чудовищный факт! Если мы не решим эту проблему в ближайшее время, мы не решим ее никогда, и наши шансы погибнуть от этого вырастут. Это не фраза! Я видел в Камлучии ребяташек, казвивших по 20—30 человек, — вот результат того, что убийство человека признано законным. Дальнейшее — дело времени и технологии...

Из блокнота

Смертная казнь, разобраться. Спорный ли это вопрос? Он не решается большинством. Смертную казнь в России отменяла власть, которую в этом вопросе всегда поддерживала культура: существует ли хотя бы один серьезный русский писатель, который был бы сторонником казни?

Ясно, что нельзя совместить Делийскую декларацию с оправданием смертной казни. Но есть еще одна сторона вопроса: наша история в этом веке, если даже исключить две мировых войны, — сплошное внутреннее кровоизлияние. Миллионы граждан погибли от руки соотечественников, выполнявших таким образом служебный долг. Тем более важно ныне, чтобы государство на вечные времена приняло на себя обязательство не проливать кровь граждан. На вечные времена...

— А как обстоит дело с политическими преступлениями? Они остаются предметом наших дискуссий с оппонентами за рубежом...

— Мы в определенный период времени зацепились за формулу «диссидентство». Но что это значит, если я просто думаю иначе, продолжая оставаться советским человеком? Иметь свою точку зрения, быть человеком самостоя-

тельным в интересах своего собственного отечества — а что это за гражданин, которому все безразлично?! Статьи о государственных преступлениях не должны быть резиновыми...

— Мне понравилась мысль: «Нам не нравятся, что мы не нравимся». И я думаю, что в наибольшей степени мы не нравимся по тем причинам, которые мы сегодня обсуждаем. По тому положению, которое у нас складывается с правами человека. И нам тоже не нравится, что из-за этого мы не нравимся. А можно ли понравиться всем?..

— Мораль, которая веками была бесцельной — даже великие мыслители называли это «сердитым бессилием», — вдруг получила двойную поддержку. Во-первых, перестали быть возможными секреты друг от друга. При всех заблуждениях американской советологии, например, у нас нет никаких тайн от нее. Они нас знают, к сожалению, лучше, чем мы себя знаем. Поэтому не следует ставить перед собой задачу «поправиться»: это ведет к развитию международного кокетства и к припискам уже в мировом масштабе. Маркс говорил, что отношения между государствами должны основываться, как и между гражданами, на простых законах нравственности; а самый простой закон нравственности — **не ври!** И самое сильное обаяние, как мы знаем из опыта личного и социального, это все-таки обаяние правды. А остальное приложится...

— Мы бесконечно хитрим, продолжая хитрить и в эпоху гласности... Мы присоединяемся к международно-правовым актам, потом во всех публикациях трубим, что присоединились и выполняем. Так ли это? Взять хоть Заключительный акт в Хельсинки: мы объявили, что все десять принципов межгосударственных отношений у нас сделаны конституционными. Это неправда! Например, принцип уважения прав человека и основных свобод записан в Конституции, но по Хельсинкскому акту он звучит не так: уважение прав человека и основных свобод, **включая свободу мысли, совести, религии и убеждений**. Все это «включая...» мы отрезали! Кстати, мы урезаем и свободу совести, сводя ее только к праву

исповедовать религию или нет; но свобода совести более широкое понятие... Конечно, пора привести законодательство в соответствие с положениями международно-правовых актов, к которым мы присоединились, но это еще даже не полдела. В стране должно быть введено и упрочено **«правление закона»!** А для этого необходима структура, инспектирующая конституционность законодательства. Даже в Пакистане есть прокурор по наблюдению за осуществлением конституции.

— Когда английский студент просит в библиотеке текст французской конституции, его отправляют в зал периодики; французы так часто меняют свою конституцию, что затруднительно сказать, какой вариант сейчас действует!.. И у нас уже говорят, что ныне действующая конституция нуждается в пересмотре и уточнении, потому что текст ее — отражение эпохи застоя. В конституции записали все, что возможно; она больше похожа на учебник научного коммунизма, чем на закон.

Я считаю, в реформе нуждается сама наша политическая система. Чтобы сделать ее работающей, а не демонстративной...

— Мы всегда говорили, что «создали советского человека». Но создали ли мы **советского гражданина**? Я в этом не уверен. Есть ли у нас гражданин, который знает свои права и умеет за них бороться? Нет. Ни в гражданскую войну, ни в Отечественную, ни в период коллективизации права человека не выдвигались на первый план и не формировали гражданина. Наоборот: гражданин лишался прав, гражданин видел разрыв между словом и делом... Не будем забывать о печальном наследии Российской империи. Права человека тоже появились не все сразу. Индивидуальные права действуют со времени Французской революции, политические — со времен «дела Дрейфуса». Наша революция открыла социально-экономические права. В свое время мы были пионерами, сформулировав право на труд, на отдых, равенство между мужчинами и женщинами... Но все время крича, что мы самые-самые, мы не заметили, как отстали и тут.

Попробуйте представить себе во Франции культ сильного человека. Де Голль все время пытался стучать кулаком по столу, даже грозился закрыть Государственный совет. Не вышло, немислимо! Попробуйте сегодня англичанину, который сидит в тюрьме, сказать, что он не может обратиться к прокурору: это немислимо! А у нас?..

Из миллиона подзаконных актов половина просто противоречит закону. Поэтому нужен и конституционный надзор за законностью, и институт охраны прав через суд и, конечно же, общий надзор прокуратуры... Но самое главное — нужно, чтобы граждане это знали. Сегодня понятие «прав гражданина» абсолютно чуждо большинству советских людей. Поэтому первостепенной опасностью является незнание народом своих прав, неумение их защитить — и нежелание тех, кто получает за то деньги, народу в этом помочь. И самое главное теперь — обращаться к народу. Просвещать народ. Всей армией советских юристов повернуться к народу...

Из блокнота

Проблема, строго говоря, не в одной «законности»! Французской законности предшествовала французская революция. Английской законности — Великая хартия вольностей и Билль о правах. Американской — «Здравый смысл» Томаса Пейна, он же здравый смысл Декларации независимости: «Мы считаем очевидными следующие вещи: все люди сотворены равными и наделены их Творцом неотъемлемыми правами...»

Очевидно ли нам, даже сегодня, какими сотворены мы?

Можно десятилетиями вести ученые дискуссии, создавая приказами новых и новых экономических птеродактилей, пока не поймешь: экономика есть простой результат окончательной отмены рабства. Экономические отношения есть следствие того, что гражданина нельзя ударить палкой и заставить делать то, чего он делать не хочет. Но так же и с правами человека. Профессора и чиновники изопряются в аргументах, вро-

де «права непременно предполагают и обязанности», но к людям возвращаются здравый смысл, и они вспоминают, что после конца Золотой орды и изгнания с трона Романовых, каждый из них **независим**. Права человека — просто уточненная независимость, ясно и твердо сформулированный суверенитет: не с человеком делают — действует сам человек. У гражданина нет и не может быть «начальства». Начальник есть у подчиненных, — но гражданин сам решает, быть ему подчиненным или не быть, в каких пределах и на какой срок.

Цивилизация шаг за шагом стесняет обычай давить на человека извне...

Из стенограммы

— Роль суда в большинстве западных стран — это нечто святое, сильное, великое, чему подчиняется вся административная и вся законодательная власть. Не случайно Президент США произносит клятву верности перед председателем Верховного суда. Институт суда фактически, а не только юридически, является гарантом прав личности.

Здесь спрашивали — где наши гарантии? В нашей истории есть события, которые аukaются по сей день. В 1961 году мы нарушили собственный закон, запрещающий применять более суровое наказание к людям, совершившим преступление до его введения. И, хотя люди совершили преступление, в то время каравшееся лишением свободы, — их расстреляли. Где гарантии, что подобное больше не будет? Исключено ли, что подобное повторится?..

Я думаю, мы еще не достигли того этапа, когда перестройка станет необратимой. Это пока еще лозунг. Мы еще недалеко ушли, чтобы действительно — психологически, экономически, политически — не вернуться назад. И я считаю, сейчас — долой монографии! Нужно чаще выступать в любых аудиториях — в школах, перед политиками, дипломатами, военными — чтобы создавать атмосферу. Создавать атмосферу невозможности поворота вспять... А атмосферу создаем мы, научные ра-

ботники, практики, сторонники мира... Надо чаще выступать, чаще говорить вслух, чтобы народ кипел, чтобы повернуть его было невозможно. Другой гарантии я не вижу!..

— Обычно молодежь стремится переменить мир, а люди пожившие говорят: дай бог улучшить хоть что-то. Но в сегодняшней дискуссии «отцы» ведут себя как молодые, а я, в роли ребенка, хочу, напротив, предложить вам две конкретные проблемы, имеющих прямое отношение к названию нашего клуба и деятельности СКЗМ; режим секретности и нормы, регулирующие выезд граждан за границу.

Военная секретность, разумеется, необходимо, но в нынешней форме, лишенная всяких критериев, она наносит нам огромный политический ущерб. Нормы секретности должны быть гласными и устанавливаться открытыми процедурами. Что касается второго вопроса, то кто мне объяснит, для чего при выезде за границу человек непременно должен получить согласие с места работы даже тогда, когда едет туристом за собственный счет?

Я предлагаю, чтобы присутствующие здесь юристы провели экспертизу правил, установленных ОВИРОм и обсудили их соответствие международным актам, к которым присоединился СССР, — а затем огласить результаты на одном из заседаний нашего клуба и представить их, через СКЗМ, нашему политическому руководству для принятия необходимых мер...

— У нас вырисовываются три большие группы проблем. Первая — «правление закона», правовое общество, закон как основа регулирования отношений. Поднимались вопросы, хороши ли у нас законы, вспоминали 1937 год: было ли у нас тогда право вообще? Мнения разделились... Наконец, где гарантии законности? К этому примыкает второй блок проблем, касающихся механизма конституционного надзора — этой системы, по мнению многих выступавших здесь юристов, у нас нет вообще или она плохо работает. Может быть, мы могли бы создать из числа юристов рабочую группу, которая разработала бы предложения, и наш Комитет внес бы их на рассмотрение сессии

Верховного Совета СССР? Дискуссия — хорошо, но пришло время выходить на конкретные решения. И, наконец, третья группа проблем — соответствие либо несоответствие нашего национального законодательства международным пактам, которые наше правительство подписало. Здесь имеются в виду международные пакты о правах человека, хельсинкский Заключительный акт, Всеобщая декларация прав человека. Не начать ли нам с того, что составить реестр — какие законы соответствуют международному праву, какие — нет, и что следует делать? Если такая работа выльется в серьезный документ, то Советский комитет защиты мира готов и его внести на рассмотрение Верховного Совета...

— «Правление закона» это не просто законность правосудия. Это понятие гораздо шире, это законность во всей жизни государства и общества. В наших условиях оно означает социалистическое правовое государство — государство, которое создает право, руководствуется правом и подчиняется созданному им праву. В таком государстве орган власти не будет вмешиваться в судебную деятельность, как нынче. На каком основании Президиум Верховного Совета СССР, орган власти с огромной компетенцией, продлевает срок содержания арестованного под стражей?! В законе сказано предельный срок 9 месяцев — и всё! Кто дал право высшему органу власти не руководствоваться собственным законом? Вот это, я считаю, в правовом государстве должно быть исключено... Не Верховный Совет должен осуществлять конституционный контроль над законодательством — это должен делать Верховный суд СССР, в том числе и в отношении актов Верховного Совета. И очень важно, чтобы Верховный суд, став органом конституционного надзора, не ставил вопрос о неконституционности еще перед кем-то, но чтобы он имел власть и полномочия признавать сам, что такой-то законодательный акт, такое-то административное действие — незаконно и, следовательно, оно не имеет никакой силы! А когда Верховный суд СССР, стоящий во главе пирамиды всех судебных органов, получит такую огромную власть, одно это естественно и неизбежно повысит роль

всех судебных органов в стране, вообще роль суда как института, который сейчас у нас на задворках...

— Я хотел бы обратить внимание на то, что все формы гражданской инициативы были у нас огосударствлены. Мне кажется, мы забыли о понятии **гражданского общества**. Есть партия, есть государство и есть граждане. Те функции, которые государство взяло на себя, но не может с ними справиться, следует передать гражданам и их объединениям. Речь идет не только о массовых организациях, как комсомол или профсоюзы. Организации могут возникать на основе определенных интересов. Совершенно необходимо открыть каналы создания таких организаций, которые влились бы в общее русло перестройки, внося в нее спонтанную гражданскую инициативу. Надо создать такой закон, который дал бы право гражданам творить; такой закон необходим на пути к гражданскому обществу...

— Мало иметь хорошие законы, мало иметь и конституционный надзор за законностью. История наша повернулась так, что мы получили человека пассивного, лишенного инициативы, и особен-

но пассивного с точки зрения правосознания. Теперь мы требуем и ждем, чтобы государство или направляющие его силы защитили наши права!

Гражданин как действительный субъект правовой деятельности, как лицо, защищающее собственные свои права, в нашем обществе отсутствует. Хуже того, сложилась ненормальная ситуация, когда даже слово **правозащитник** стало отрицательным, одиозным, и недавно у нас доходило до того, что это понятие стало ассоциироваться с людьми, ведущими какую-то подрывную деятельность!.. Как быть? Мы должны продумать стройную систему формирования правосознания советских граждан, начинающуюся уже со школы, и это правосознание обязательно должно включать в себя представление гражданина о себе как активном защитнике закона, борце за его реализацию...

Из блокнота

Не только «гражданская инициатива», но и мы сами «огосударствлены».. Замечая проблему, мы тут же предлагаем решение сверху: то ли путем принятия «закона на право творить», то ли — созданием единой системы воспитания.. Известный режиссер выступает с требованием «Закона о кинематографии». Молодежные организации разрабатывают «Закон о молодежи»... Кишучая деятельность! Чтобы так построить хотя бы самую маленькую цивилизацию, вроде эллинской, придется принять тысячи законов: о театре, о праве скульпторов создавать скульптуры, о воспитании грека в духе греческого патриотизма... Но Солон, как известно, пошел другим путем, запретив продавать граждан в рабство, даже неплатежеспособных должников. Акт волонтаристский и, если вдуматься, экономически безграмотный, попахивающий уравниловкой: гражданин не должен быть рабом гражданина! А из этого пустыка — Афины, Парфенон, драмы Еврипида, европейская демократия...

Чего же недостает нам: еще ста законов, с еще десятью контролирующи-

Рисунок Пабло ПИКАССО

ми их исполнение инстанциями — неизбежно притеснительными и легко срастающимися с традиционной механикой несвободы — или двух-трех простых принципов, поставленных в основу всего: выше властей, выше полемики, выше законов? Не пора ли нам осмыслить свой государственный и моральный опыт как простой урок и утвердить его принципы на вечные времена, — как эллины свободу эллинов, англичане — Хартию вольностей, американцы — Билль о правах? Не основать ли нам, наконец, свою собственную цивилизацию?..

И для этого едва ли необходимы тома новых законов. В основе конституционных хартий — здравый смысл граждан, выношенная ими идея справедливости. Все это при нас, и дожидается только нашего осмысления. Что значит, например, наше право на труд? Не то же ли самое, не подлежащее никакому ограничению, абсолютное право, что право частной собственности у римлян? Вдумаемся: законно ли в стране, где революция утвердила политическую систему, основанную на **гражданском трудовом обществе**, какое бы то ни было ограничение форм трудовой деятельности граждан? Конституционно ли чье бы то ни было вмешательство в личный труд гражданина? Не является ли любая попытка должностного лица указать гражданину, где, как и над чем он должен работать — таким же антиконституционным скандалом, как на Западе — попытка отнять у гражданина вещь?..

Возможно ли в обществе, возводящем себя к антибюрократической революции, хранящем верность культурному канону, создатели которого все, без исключения, проповедовали антиавторитаризм, легальное преимущество чиновника над гражданином? Не должна ли и наша конституция рассматривать всякую попытку официального лица возмездия над гражданином, принудить его к чему-либо, указать ему «должное» направление жизнедеятельности — как подрывное поведение, исключающее годность для государственной службы?..

...Я думаю, истинно очевидных прав советского человека и гражданина не так уж много, и они, в свою очередь, вытекают из самоочевидных — не для

западного немца, не для Древнего грека, а для гражданина этой страны — представлений о том, **чего нельзя делать с людьми**: никому, никогда, нигде. В основе этого самоуважения — исторический опыт и твердая воля совершить поворот, который невозможно будет предать забвению, не разрушив самый народ и язык народа.

Задача необъятна — и очень проста. Нам предстоит найти **свой резон** тому, что мы уже начали делать и хотим довести до конца; даже если то, что мы делаем, уже делалось кем-то на Западе или на Востоке. Свой образ свободы, честного суда, договора и сделки без обмана. Потому что даже когда мы делаем уже сделанное, причины на то у нас свои. У нас другой опыт, другие привычки, другие надежды и страхи; следовательно и принципы гражданского устройства будут собственные. Ведь в конце концов, все сводится к тому, чтобы каждый из нас, находясь в стране, чувствовал себя как дома. Все сводится к **свободе**.

...Гегель, именуемый «темным» за то, что сообщал о человечестве несчастные вещи, которые после него зря оспаривали, как-то сказал про суверенитет, что тот «предшествует праву». Независимость есть ценность, которой люди не склонны делиться: она либо с ним целиком, либо целиком отрицается. Свобода — наиболее интимная политическая страсть человека. Рождение свободы из всех состояний, где ее нет, — это революционный процесс, не похожий на игру по правилам. И лишь когда свобода достигнута, когда опыт прошлого отвердевает в личности, в нравах, в системе политических институтов, которая даст утоление этой гражданской жажде — та же свобода становится фактором порядка, традицией, системой воспитания личности. Лишь когда человеком перестают управлять извне, его поведение становится управляемым, — и возникает цивилизация.

В этом веке мало какой народ имеет столько оснований опасаться самого себя, как мы. Мы изобретали и вводили в общечеловеческий оборот новые формы свободы — и всеми ими злоупотребляли. Но что признать за основу — свободу или риск из-за нее? На чем построить

политическую систему — на доверии ли-бо недоверии к себе самим? Очевидно, первое опасно, но второе — смертельно. Перед нами выбор, и от него не уйти обычными увертками — мы, мол, еще не созрели... Свободу нельзя отложить «до лучших времен». Потому что лучшие времена человека — времена его жизни. Это справедливо и для невежественных баронов, вырвавших у короля Джона Хартию вольностей, и для античных греков, и для первого поколения колхозников, отстоявших государство через десять лет после беспощадной коллективизации... Когда человек достаточно хорош для того, чтобы явиться на свет, достаточно сознателен, чтобы пасть за родину — он хорош и для полной свободы.

Мы увлекаемся поиском временных приоритетов — демократизация, гласность, искоренение сталинизма — полагают отстранить сумму злободневных угроз набором частичных решений. Но нельзя цепляться за временное, пускаясь в поиск оснований.

...Когда вешали Тома Хайда, лудильщика, — пишет Генри Торо, — его спросили, есть ли у него что сказать. — Передайте портным, — попросил он, — чтобы не забывали завязать узелок на нитке, когда готовятся сделать первый стежок!.. Грустная притча, добрый урок, спасибо бедняге Тому. Главный вопрос

нашего будущего, нашего государственного существования, нашей политической системы — вопрос об **обратимости хода истории в России**. Обратимость для нас страшнее консерватизма, реакции и экстремизма вместе взятых, ибо традиция обратимости — исконно отечественная традиция, путь ей накатан.

...Через 70 лет после основания Петербурга — Пугачев, будто Разин, идет на Москву и его, как Разина, четвергуют. Проходит еще 50 лет — и к четвертованию приговаривают декабристов. Через 70 лет после отмены крепостного права — сталинская вивисекция на крестьянстве. Через век после гибели Пушкина — пыточные расправы, каких Русь не знала с Ивана Грозного, а вслед за тем — иноземное нашествие, каких не знали с Батыя. В привычку, в кровь политики входит предрассудок, будто ничего прочного здесь построить нельзя. Будто единственная достижимая вещь — внутренняя безопасность. Будто никогда для граждан не настанет момент, когда только из учебников истории они узнают слова «сыск», «донос», «отщепенец», «не твоего ума дело»...

Кажется, мы устали от этого. Человек захотел законных гарантий, конкретной свободы. Страна приготовилась сделать первый стежок, но поглядим на свет: завязан ли узелок на нитке?

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Сорок лет назад Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций утвердила и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека, полный текст которой приведен на этих страницах.

ПРЕАМБУЛА

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и

принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и жен-

щин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и

принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и

принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства;

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

провозглашает настоящую

ВСЕОБЩУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Статья 1 Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Статья 2 Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся, или какой-либо иначе ограниченной в своем суверенитете.

Статья 3 Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 4 Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

Статья 5 Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращениям и наказанию.

Статья 6 Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности.

Статья 7 Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Статья 8 Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными су-

дами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Статья 9 Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Статья 10 Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему условного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.

Статья 11 1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком, путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

2. Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.

Статья 12 Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Статья 13 1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Статья 14 1. Каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.

2. Это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении неполитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 15 1. Каждый человек имеет право на гражданство.

2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.

Статья 16 1. Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии, вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения.

2. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон.

3. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Статья 17 1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Статья 18 Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедывать свою религию или убеждения как единолично, так и сообщая с другими публичным и частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов.

Статья 19 Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять инфор-

мацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Статья 20 1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

2. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию.

Статья 21 1. Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.

2. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране.

3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Статья 22 Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Статья 23 1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.

2. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд.

3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

4. Каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и вхо-

дить в профессиональные союзы для защиты своих интересов.

Статья 24 Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый отпуск.

Статья 25 1. Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

2. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой.

Статья 26 1. Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбы между всеми народами, расовыми или религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

3. Родители имеют право приоритета

в выборе вида образования для своих малолетних детей.

Статья 27 1. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами.

2. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является.

Статья 28 Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены.

Статья 29 1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 30 Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано, как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации.

«ВОЙНА ВОЙНЕ»

Так называлась международная выставка карикатур, состоявшаяся в столице Болгарии. Наши друзья из агентства София Пресс предоставили нам альбом, посвященный этой выставке. Воспроизводим из него некоторые работы на страницах 18, 20, 22, 24, а также на 2-й странице обложки (рисунок болгарского художника Радослава Маринова-Реме).

ПОДПИСКА — КРУГЛЫЙ ГОД

В любой месяц, на любой срок

Вы можете подписаться на

«Век XX и мир».

Подписку принимают без ограничений

агентства «Союзпечати», почтамты

и отделения связи.

Наш индекс: 70188

На 3-й странице обложки: в России — весна!
Фото В. АРМАНДА.

Бюллетень «Век XX и мир» № 4 (на русском языке), ежемесячный.
Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография
«Известий Советов народных депутатов СССР». Москва. Заказ 766.

БЮЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

